

МАГИССА

Развод в 65:
*От Любви осталась
лишь Тень...*

Магисса - Развод в 65: От Любви осталась лишь Тень...

<https://litres.ru/74350772>

Аннотация

- Клава, мы с тобой как брат и сестра уже десять лет. Ты замечательная, но я задыхаюсь в этом покое. Мне 58, я еще мужик. Я хочу чувствовать себя живым, - ровным голосом произнес мой муж, аккуратно складывая в дорогой чемодан идеально выглаженные мной рубашки.

Сорок лет брака. Сорок лет я была его надежной тенью, хранительницей очага, пока он строил карьеру и обустроивал наш высокотехнологичный быт. А потом наш «Умный дом» случайно прислал мне на планшет уведомление с чужого адреса: «Сценарий "Романтика" запущен. Освещение убавлено». Для другой. Молодой, деловой и требовательной.

Я искала поддержки у единственного сына, но услышала страшное: «Мам, будь мудрее, перетерпи. Мне с отцом ссориться нельзя, он нам ремонт делает».

Моя жизнь разбилась вдребезги, как старинная фарфоровая чашка. Но я всю жизнь умела реставрировать хрупкие вещи. Придется собрать из осколков и себя. Залить трещины в сердце золотом, научиться самой включать свет в своей квартире и

доказать — в первую очередь себе, — что после шестидесяти жизнь только начинается.

А когда бывший муж поймет, что ушел не к музе, а нанялся бесплатным прорабом к расчетливой хозяйке, моя дверь будет для него навсегда закрыта. Ведь теперь рядом со мной тот, кто видит во мне не удобную прислугу, а Королеву.

В тексте есть: Измена мужа после 40 лет идеального брака
Предательство взрослого сына ради выгоды Умная, адекватная героиня (без истерик и глупостей) Взрослая, исцеляющая любовь и уважение Обязательный ХЭ для героини (бывший получит по заслугам, но без сказок)

Содержание

Глава 1. Предательство по Wi-Fi	5
Глава 2. Идеальный чемодан	15
Глава 3. Фантомные боли	27
Глава 4. Чужой огонь (Леонид)	35
Глава 5. Удар в спину	43
Глава 6. Горький чабрец и чужие страхи	52
Глава 7. Иллюзия «Нас»	60
Глава 8. Бунт вещей	69
Глава 9. Осколки прошлого	78
Глава 10. Лавка древностей	89
Глава 11. Золотые швы	99
Глава 12. Конец света	106
Глава 13. Искра	116
Глава 14. Золото в шрамах	128
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Глава 1. Предательство по Wi-Fi

Резкое, дребезжащее жужжание разрезало тишину кухни. Я вздрогнула, едва не выронив из рук пластиковый горшочек. Влажный земляной ком глухо стукнулся о столешницу из идеального искусственного камня, рассыпавшись черными крошками.

На столе вибрировал старый планшет.

Я машинально стряхнула с пальцев налипший торф. Воздух на кухне был густым, обволакивающе-теплым. Пахло корицей, печеными яблоками и терпкой, чуть горьковатой свежестью листьев фиалки. В приоткрытое окно тянуло сыростью и тяжелым озоном - над городом глухо ворочалась надвигающаяся весенняя гроза.

Идеальный домашний вечер. Безопасный. Привычный до автоматизма.

Леня сейчас должен был быть на объекте. Авария на подстанции, как он сказал мне за ужином. Мой муж - человек незаменимый. Инженер-электрик высшего разряда, руки золотые, характер нордический. Он терпеть не мог сюрпризов, случайностей и неконтролируемых эмоций. Вся наша квартира за последние годы превратилась в технологичный памятник его гению. Скрытая проводка, теплые полы с таймерами, сложные датчики движения, многоуровневый свет.

Этот старый планшет он сам перепрошил для меня пол-

года назад. Сказал тогда: "Клава, читай свои рецепты и статьи про цветочки с большого экрана, не ломай глаза о телефон. Заодно я сюда управление нашим умным домом вывел. Удобно же".

Удобно. Леня любил, чтобы все работало как часы. И наш брак длиной в сорок лет тоже работал как хорошо смазанный механизм. Я обеспечивала бесперебойный, тихий тыл, а он строил нашу жизнь. Я была его надежным фундаментом.

Я потянулась за полотенцем, насухо вытерла руки. Наверное, это Леня пишет. Предупреждает, что задержится до утра. Так бывало часто.

Подушечка указательного пальца, все еще чуть шершавая от земли, коснулась холодного стекла. Экран ожил, мигнув синеватым светом. Но это было не сообщение в мессенджере. На темном фоне всплывали одно за другим системные уведомления. Приложение умного дома обновляло статусы через облачный сервер.

- 23:14. Локация: ЖК "Лазурный". Синхронизация успешна.

Я нахмурилась. ЖК "Лазурный" - это новые элитные высотки из стекла и бетона на другом конце города. Никаких старых подстанций там нет.

- 23:15. Сценарий "Романтический вечер" запущен.

Мое дыхание на секунду сбилось. Мозг, привыкший во всем искать спасительную логику, тут же подкинул разумное объяснение. Леня часто берет левые, сложные заказы.

Он настраивает такие системы богатым клиентам. Наверное, просто тестирует оборудование перед сдачей. Да, ночью. Да, вместо аварии поехал подработать, не захотел меня волновать. Он же перфекционист, ему надо проверить каждую мелочь. А уведомления сыплются сюда, потому что он заходил в систему через свой мастер-аккаунт и просто забыл выйти из сети на моем устройстве.

Экран снова мигнул. Текст на белых плашках ударил по глазам.

- 23:15. Освещение (Спальня): убавлено до 20%.

- 23:17. Аудиосистема: плейлист "Vanessa" воспроизводится.

Vanessa. Ванесса.

Имя хлестнуло наотмашь. Оно никак не вязалось с пугающими богатыми заказчиками, прорабами или безликими строками программного кода. Оно пахло чужими, тяжелыми духами. Оно звучало как стук каблучков по дороговому паркету.

Я стояла посреди своей идеальной кухни, чувствуя, как липкий холод ползет от живота к горлу. Мой муж, человек, который сам гладит свои рубашки по утрам и раскладывает инструменты строго по размеру, просто забыл отвязать рабочий профиль от моего старого планшета. Он сам, своими руками, настроил эту безупречную систему слежения за собственным предательством. Технический гений споткнулся о банальную человеческую беспечность.

Цифры на электронных часах духовки показывали поло-

вину двенадцатого. Внутри допекался яблочный пирог.

Я медленно опустилась на стул. Ноги вдруг стали ватными, чужими. В груди не было ни крика, ни желания бить посуду. Было только странное, сосущее чувство тотальной пустоты. Так бывает, когда идешь по знакомой лестнице в темноте, думаешь, что впереди есть еще одна ступенька, шагаешь - а там ничего нет. И ты летишь вниз, еще не понимая, что через секунду переломаешь кости.

- Ванесса, - произнесла я вслух.

Имя прозвучало жалко и неуместно среди моих глиняных горшков с фиалками. Моя редкая химера, которую я как раз собиралась пересадить в свежий торф, растопырила бархатные, хрупкие листики. Я опустила взгляд на свои руки. На коротко остриженные ногти без лака. На въевшуюся в кутикулу землю. На простой хлопковый домашний костюм. Волосы, заботливо покрашенные в каштановый цвет, чтобы не казаться слишком старой рядом с подтянутым мужем, вдруг показались мне нелепым, жалким париком.

Надо позвонить. Просто позвонить и задать один вопрос. Разрушить этот морок.

Я потянулась к телефону. Пальцы мелко дрожали, когда я искала в записной книжке номер Ослана Магомедовича - начальника моего мужа. Ослан - мужик грузный, шумный, с жесткими строительными понятиями о чести. Он меня искренне уважал. Несколько лет назад я помогла его младшей дочери вытянуть историю для поступления в вуз. Занима-

лась с ней долгими вечерами бесплатно, по старой памяти архивного работника. Ослан тогда пытался всучить мне конверт с деньгами, но я отказалась.

Гудки шли бесконечно долго. Я слушала их, глядя на ровно мигающий зеленый глаз роутера на стене.

- Да, Клавдия Ивановна? - голос Ослана прозвучал хрипло. На заднем фоне играла какая-то негромкая музыка, слышался звон хрусталя и смех. Он явно был дома или в ресторане, а не в грязной траншее с порванным высоковольтным кабелем.

Я инстинктивно выпрямила спину. Голос прозвучал на удивление ровно, с привычной интеллигентной мягкостью.

- Ослан Магомедович, доброй ночи. Извините ради бога за такой поздний звонок.

- Что-то случилось? Вы не болеете? Голос у вас какой-то...

- Нет-нет, все в полном порядке. Я просто звоню спросить... Леня в утренней спешке контейнер с ужином на тумбочке забыл. А у него же язва была, вы знаете, ему всухомятку нельзя. Вы сейчас на какой подстанции работаете? Я бы такси вызвала, отправила ему термос с горячим бульоном.

В телефонной трубке повисла тишина. Не просто пауза, а тяжелая, свинцовая мужская тишина, в которой отчетливо запахло стыдом. Я физически ощутила, как огромный, властный Ослан на том конце провода переминается с ноги на ногу, словно провинившийся школьник. Он был из тех старомодных мужчин, которые могут жестко вести много-

миллионный бизнес, но совершенно не умеют врать в любви женщинам. Тем более тем, кого уважают.

- Клавдия Ивановна... - Ослан тяжело, с присвистом выдохнул в динамик. - Не надо такси. И термос не надо.

- Вы его уже отпустили домой? - мой голос даже не дрогнул. Я играла эту унижительную партию до конца, хотя внутри меня уже осыпалась пеплом моя выверенная, уютная жизнь.

- Клавдия... - снова повторил он, и в этом виноватом тоне было больше правды, чем в любых чистосердечных признаниях. - Нет никаких аварий. Мы все сложные объекты еще на прошлой неделе сдали. Леня во вторник отгул на три дня взял. Сказал, у него срочные семейные обстоятельства. Я думал, вы на дачу поехали.

Срочные семейные обстоятельства. Сценарий "Романтический вечер". Плейлист Vanessa. Освещение двадцать процентов.

- Вот как, - я заставила себя тихо усмехнуться. Звук получился сухим, похожим на шелест старой газеты. - Видимо, я совсем закрутилась со своими рассадами и перепутала дни. Возраст берет свое, память уже не та. Простите, что оторвала от отдыха, Ослан Магомедович. Спокойной ночи.

- Клавдия Ивановна, послушайте... - начал он торопливо, но я мягко нажала на красную кнопку отбоя.

Положила телефон обратно на стол. Выровняла его параллельно краю столешницы. Леня всегда требовал, чтобы вещи

лежали параллельно.

За спиной противно, пронзительно запищал электронный таймер духовки. Пирог был готов.

Я встала. Медленно развязала тесемки кухонного фартука. Сняла его через голову и аккуратно повесила на хромированный крючок. Это было похоже на то, как снимают защитную броню после вчистую проигранной битвы. Броня больше не имела смысла. Она не защитила меня от удара в спину.

Надела толстые прихватки. Вытащила тяжелый противень. Запах теплой сдобы, корицы и карамелизованных яблок плотно ударил в нос. Запах домашнего очага. Запах моей бесконечной, удобной, удушливой заботы, которая, как оказалось, давно стала поперек горла моему мужу. Желудок свело болезненным, острым спазмом. Меня едва не стошнило прямо на этот идеальный, румяный пирог.

Я переставила противень на решетку остывать.

Потом вернулась к столу. Собрала рассыпанную землю с искусственного камня, педантично смахнула крошки в мусорное ведро. Протерла поверхность влажной губкой. Ни одного темного пятнышка не должно было остаться. В этой квартире всегда царила хирургическая чистота.

Я не стала звонить Лене. Не стала писать гневные простыни сообщений, не стала угрожать или умолять. В шестьдесят пять лет женские истерики выглядят не трагично, а жалко. Я слишком долго проработала реставратором в библиотечном архиве, чтобы не усвоить одну простую вещь: если ветхий

документ рассыпался у тебя в руках, кричать на него бесполезно. Нужно брать тонкий пинцет и молча собирать то, что осталось от текста.

Я выключила яркий верхний свет. Оставила только теплый свет бра над обеденным столом.

Ночь потекла густой, липкой смолой. За окном наконец-то разразилась весенняя гроза. Тяжелые, злые капли били по стеклу, ветер ожесточенно трепал ветки старой липы во дворе. Я сидела на стуле, не меняя позы, и неотрывно смотрела в черное окно.

Сорок лет брака. Вся моя молодость, моя зрелость. Мои профессиональные амбиции, тихо задвинутые в дальний пыльный ящик ради его карьеры. Мои сэкономленные на себе копейки ради покупки его дорогих немецких перфораторов и лазерных уровней. Я была его надежной, безотказной базой, поверх которой он выстроил свой блестящий, успешный фасад.

А теперь этот фасад решил переехать в элитную новостройку, где свет убавляется одним касанием экрана под звуки чужого плейлиста.

Тишина в квартире казалась оглушительной, давящей на барабанные перепонки. Иногда мягко, утробно гудел дорогой холодильник. Иногда сухо шелкало реле в умном электрощитке в коридоре. Дом жил своей сложной механической жизнью, совершенно равнодушный к тому, что его хозяйка внутри него только что рассыпалась на части.

Я перебирала в памяти последние полгода. Его глухое раздражение, когда я просила починить кран на старой даче. Его новые, приталенные рубашки, которые он вдруг стал покупать себе сам, хотя раньше всегда доверял мой вкус. Его запах... От него больше не пахло машинным маслом, табаком и усталостью. От него пахло дорогим кедровым лосьоном и чужой энергией. Как я могла быть такой слепой?

Ответ оказался до тошноты простым. Я не была слепой. Я была удобной. Я сама добровольно надела себе на глаза плотные шоры, потому что так было спокойнее и безопаснее.

Свет за окном начал неуловимо меняться. Чернота ночи медленно, неохотно разбавлялась серым, пыльным предрасветным сумраком. Дождь закончился, оставив после себя лишь влажный блеск на черном асфальте и запах мокрой земли.

Тело затекло от долгого сидения в одной позе. Поясница глухо ныла. Я поднялась со стула, чувствуя себя так, словно мне за одну ночь прибавилось двадцать лет. Подошла к плите. Включила умный чайник.

Вода закипела почти бесшумно. Я достала с сушилki свою любимую чашку - ту самую, из тонкого костяного фарфора, с чуть потертой золотой каймой. Насыпала заварку. Залила крутым кипятком. Терпкий, горьковатый аромат черного чая смешался с остывшим, уже не таким тошнотворным запахом яблочного пирога.

За окном окончательно посветлело. Провинциальный го-

род просыпался. На проспекте вдалеке начали глухо шуметь первые утренние машины.

Я вернулась за стол. Поставила чашку ровно перед собой. Сложила руки на прохладной столешнице, спина прямая, плечи напряженно расправлены. Мой взгляд был прикован к массивной, металлической входной двери с электронным замком.

Леня сказал Ослану, что взял отгулы до конца недели. Значит, на легальную работу ему сегодня не нужно. Значит, скоро он вернется домой, чтобы переодеться и принять душ. Он всегда возвращался рано утром, если делал вид, что задерживался на сложной ночной аварии. Это был его идеальный, выверенный график лжи.

Я смотрела на закрытую дверь. Чай в фарфоровой чашке медленно остывал, отдавая тепло пустому воздуху кухни. Поверхность темной жидкости постепенно затягивалась мутной, радужной пленкой.

Я ждала.

Глава 2. Идеальный чемодан

Электронный замок в нашей прихожей всегда открывался с мягким, вежливым щелчком. Леня сам его программировал, подбирая тональность и громкость звука так, чтобы он не раздражал слух. Техника в нашем доме должна была служить комфорту, а не нарушать его.

Щелчок раздался ровно в шесть часов пятнадцать минут утра.

Я сидела за кухонным столом в той же позе, в какой встретила рассвет. Спина прямая, плечи напряжены, руки сложены на прохладной столешнице из искусственного камня. Передо мной стояла любимая фарфоровая чашка. Черный чай в ней давно остыл, его поверхность затянулась плотной, мутной пленкой, до боли похожей на бензиновое пятно на мокром асфальте.

В прихожей автоматически, плавно разгораясь, зажегся теплый свет. Я услышала, как скрипнула плотная резиновая подошва ботинок. Леня разувался. Он всегда ставил обувь идеально параллельно друг другу, носками ровно к плинтусу. Многолетняя привычка инженера-педанта, который не терпел хаоса ни в чертежах, ни в собственном коридоре.

Воздух в квартире начал неуловимо меняться. До этого момента кухня густо пахла тяжелым озоном от прошедшей ночной грозы, влажным торфом в горшках с фиалками и

остывшей яблочной выпечкой. Теперь по коридору пополз совершенно другой запах. Энергичный, острый холод утреннего города, дорогой кедровый лосьон после бритья и... что-то еще. Едва уловимая, но тяжелая, властная базовая нота чужого парфюма. Запах дорогой выделанной кожи и сладкого трубочного табака, который намертво въелся в плотную ткань его воротника.

Когда Леня возвращался с настоящих ночных аварий на подстанциях, от него пахло жженой медью, плавленной изоляцией, едким машинным маслом и глухой, серой усталостью. Сейчас от него пахло чужой постелью и свежесваренным эспрессо.

Он вошел на кухню уверенным, пружинистым шагом. На нем была хорошая темно-синяя куртка, под ней - свежий тонкий джемпер. Он выглядел возмутительно бодрым, подтянутым, полным сил.

Он бросил взгляд на меня, потом перевел глаза на нетронутую чашку с мертвым чаем. На его породистом лице промелькнуло дежурное, почти супружеское удивление.

- Ты чего не спишь в такую рань? - спросил он будничным тоном, стягивая куртку. - Давление опять скачет? Я же говорил на прошлой неделе, сходи в аптеку и купи нормальный электронный тонометр на предплечье, а не ту китайскую игрушку на запястье, которая у тебя погоду показывает.

Он прошел к мойке, открыл хромированный кран, чтобы вымыть руки. Звук льющейся под сильным напором воды

показался мне оглушительно громким в утренней тишине.

Я смотрела на его широкую спину. На то, как уверенно он выдавливает жидкое мыло, как методично намыливает пальцы. И внутри меня, к моему собственному удивлению, не было ни желания истошно кричать, ни потребности швырнуть в него остывшей чашкой, ни желания царапать ему лицо. Была только ледяная, кристальная, почти хирургическая ясность.

- Как прошла авария в жилом комплексе «Лазурный», Леня? - мой голос прозвучал ровно, с той самой сухой библиотечной интонацией, которой я когда-то отчитывала нерадивых студентов за испорченные архивные страницы. - Сценарий «Романтический вечер» отработал без технических сбоев? Освещения в двадцать процентов хватило для диагностики высоковольтного кабеля?

Вода продолжала течь. Секунду, вторую, третью.

Леня замер. Его большие руки, покрытые густой белой пеной, остановились над раковиной. Он не вздрогнул. Не выронил полотенце. Не побледнел и не начал жалко лепетать про вирусы в системе, хакерские атаки или сбой геолокации. Мой муж был специалистом высшего разряда. Его мозг работал быстрее, чем у многих молодых. Он мгновенно проанализировал ситуацию и понял свою банальную ошибку. Он заходил в панель управления умным домом Ванессы со своего смартфона, который был синхронизирован с моим старым домашним планшетом.

Факт был неоспорим, как законы физики. А с физикой

Леня спорить не привык.

Он медленно сполоснул руки. Тщательно, каждый палец в отдельности, вытер их плотным махровым полотенцем. Аккуратно повесил ткань обратно на крючок. Закрыл кран.

Повернулся ко мне.

Он тяжело, с коротким мужским присвистом выдохнул. Подошел к обеденному столу и сел напротив меня. Между нами лежала гладкая, холодная поверхность камня.

Я ждала, что он отведет взгляд или спрячет глаза, как провинившийся мальчишка. Но Леня смотрел мне прямо в лицо. В его зрачках не плескалась вина, там не было паники разоблачения. Скорее, там читалось какое-то усталое, циничное облегчение человека, которому больше не нужно носить тесный, колючий костюм.

- Не хотел, чтобы ты узнала вот так, - спокойно, без надрыва произнес он. Голос не дрожал. - Глупо вышло. Заработался с ее объектом, забыл отвязать устройства. Беспечность.

Он почесал переносицу. Жест, который он всегда делал перед тем, как принять сложное инженерное решение.

- Клав, давай честно, - продолжил он, откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди. - Мы оба взрослые, умные люди. Давай обойдемся без сцен из плохих бразильских сериалов. Мы с тобой живем как брат и сестра уже лет десять, если не больше. Ты золотая женщина. Идеальная жена, правда. Но я задыхаюсь в этом покое. Понимаешь?

Он подался вперед, положив крепкие ладони на стол.

- Мне пятьдесят восемь лет. Я еще живой мужик. У меня силы есть, у меня проекты сложные, у меня кровь горит. А у нас тут... - он обвел рукой идеальную кухню, мои глиняные горшки с фиалками на широком подоконнике, стерильную варочную панель. - У нас тут технологичный мавзолей правильного быта. Тихо, тепло, безопасно и ничего, абсолютно ничего не происходит. День сурка. А там... там пульс. Там скорость. С ней я чувствую себя живым. Мне нужен воздух, Клава. Я хочу дышать полной грудью, пока не сыграл в ящик.

Слова падали на стол, как тяжелые, идеально отшлифованные камни.

Брат и сестра. Задыхаюсь в покое. Мавзолей.

Вот, значит, как это теперь называется. Мои сорок лет тотальной заботы. Мои бессонные ночи десять лет назад, когда у него обострилась язва, и я протирала ему паровые супы через мелкое сито, уговаривая поесть. Мои отложенные на потом, так и не случившиеся поездки к морю, потому что ему нужно было купить новый, невероятно дорогой лазерный уровень для крупного заказа. Мое решение закрашивать появляющуюся седину, чтобы не смотреться уставшей старухой рядом с его моложавой, спортивной подтянутостью. Мой отказ от должности заведующей архивом, потому что Леня не любил, когда я задерживалась на работе.

Все это не было надежным фундаментом нашей семьи. Все это было просто удобным, мягким, но страшно пыльным диваном, на котором он отдыхал между своими подвигами,

пока диван окончательно ему не наскучил.

- Воздух, - сухо, шелестящим эхом повторила я. - Вот как.

- Клава... - он слегка поморщился, словно ожидая, что сейчас все-таки начнутся слезы, которые неминуемо испортят ему это свежее утро. - Я не хотел тебя ранить. Честно. Я собирался нормально поговорить с тобой на следующей неделе. Подготовить почву. Но раз уж система дала сбой, тянуть кота за хвост не имеет смысла. Я ухожу.

Он произнес это так же просто и обыденно, как долгие годы говорил: «Я поехал на строительный рынок, буду к обеду».

Леня поднялся из-за стола. Он действовал так, словно только что закрыл успешную рабочую планерку и теперь методично переходил к следующему пункту своего жесткого расписания. Он развернулся и чеканным шагом пошел в нашу спальню.

Я встала. Ноги казались мне чужими, ватными, но я заставила себя сделать шаг, потом еще один. Я дошла по коридору до дверей спальни и остановилась в проеме, прислонившись плечом к холодному дверному косяку.

В комнате уже горел свет - наша умная система плавно включила его, как только Леня переступил порог.

Мой муж подошел к огромному встроенному шкафу-купе. Зеркальные дверцы бесшумно разъехались в стороны, внутри автоматически загорелась диодная подсветка, выхватывая из полумрака ряды идеальной одежды, от которой пах-

ло лавандовыми саше и кедровой древесиной.

Я читала в каких-то женских журналах, что при разводе мужья-изменники обычно выглядят жалко. Они якобы не знают, на какой полке лежат их трусы, хаотично кидают в старую спортивную сумку единственные мятые брюки, роняют носки и с позором уходят в ночь.

Какая невероятная чушь.

Мой муж не был беспомощным бытовым инвалидом. Он любил хорошие, качественные вещи и умел за ними ухаживать. У него был превосходный гардероб, который он педантично формировал сам, лишь изредка спрашивая моего совета по оттенкам. Дорогая итальянская обувь, качественный плотный трикотаж, рубашки хорошего кроя.

Леня достал с верхней антресоли свой большой кожаный чемодан благородного коньячного цвета. Тот самый, с которым он обычно летал на отраслевые строительные выставки в Москву и Европу. Положил его на нашу широкую кровать, застеленную тяжелым шелковым покрывалом. Сухо щелкнули медные замки.

Он начал собираться. Движения были точными, выверенными, максимально экономичными.

Сначала он снял с деревянных вешалок свои приталенные сорочки. Те самые, которые я гладила вчера днем, стоя над доской, вдыхая запах горячего хлопка и влажного пара. Я тогда еще с любовью думала, какую именно рубашку - голубую или в мелкую графитовую полоску - он наденет на юбилей

к Ослану в эту субботу. Леня аккуратно, профессионально сложил их, перегнув рукава так, чтобы не заломить жесткие воротнички, и бережно опустил на дно чемодана.

Затем настала очередь кашемировых пуловеров. Темно-синий, стальной серый, песочный. Он складывал их ровными, плотными прямоугольниками. Следом в недра кожи полетели хорошие брендовые джинсы, органайзер с несесером, упаковки дорогого нижнего белья.

Звуки были убийственно обыденными. Тихое шуршание плотной ткани. Глухой деревянный стук пустых вешалок друг о друга. Короткий скрип кожаных ремней, которые он сворачивал тугими улитками.

Я стояла и молча смотрела на его сильные, уверенные руки. Те самые руки, которые проводили сложнейшую скрытую проводку в этой квартире, пряча каждый провод. Те самые руки, которые сейчас с методичностью хирургического робота упаковывали его жизнь, чтобы комфортно перевезти ее в новый, более современный и свежий интерьер Ванессы. Ему совершенно не нужна была моя помощь, чтобы собрать чемодан. Ему вообще больше не нужна была моя помощь. Ни в чем.

Леня снял с вешалки темно-синий блейзер, перекинул его через руку. Окинул внимательным взглядом опустевшие полки, проверяя, не забыл ли чего-то важного. Удовлетворенно кивнул сам себе. Все остальное, менее нужное, он заберет потом.

Он закрыл крышку чемодана. В абсолютной тишине спальни раздался резкий, металлический визг застегивающейся толстой молнии.

Этот звук прошелся прямо по моим натянутым, обнаженным нервам. Он ощущался почти физически, словно кто-то равнодушный только что застегнул длинную молнию на черном пластиковом мешке, в котором навсегда упокоился наш сорокалетний брак.

Леня спустил тяжелый чемодан на пол. Полиуретановые колесики мягко, бесшумно покатались по идеальному паркету дубового оттенка. Он прошел мимо меня в коридор, даже не задев моим плечом. Я для него уже стала прозрачной.

Я отлипла от косяка и медленно пошла за ним.

В прихожей Леня снова надел куртку. Привычным жестом поправил воротник перед большим зеркалом в полный рост. Он выглядел отлично. Уверенный в себе, состоявшийся мужчина в самом расцвете сил, готовый покорять новые горизонты. Я мельком увидела в зеркале свое отражение рядом с ним. Женщина в простом хлопковом домашнем костюме, с тщательно закрашенной под каштан сединой, с бледным, заострившимся лицом. Просто нелепая тень, которую отбросило его ярким, слепящим светом.

Леня сунул руку во внутренний карман куртки. Достал свой массивный кожаный бумажник.

Его пальцы ловко отсчитали плотную пачку банкнот. Деньги были новыми, хрустящими. Красноватые пятитысяч-

ные купюры. Леня аккуратно, ровной стопкой положил их на гладкую стеклянную поверхность обувной тумницы.

- Это на первое время, - сказал он, убирая бумажник обратно во внутренний карман. - На продукты, на коммуналку, на твои семена и горшки. Карту я пока не блокирую, пользуйся, как привыкла. Потом, как обустроюсь на новом месте, переведу еще.

Он говорил об этом так, словно выписывал выходное пособие уволенному за ненадобностью сотруднику. Без капли злобы, но и без всякого сочувствия. Холодная, сухая бухгалтерия расставания.

- И еще. Адвокатов нанимать не надо, Клава, - добавил он, твердо берясь за выдвижную ручку чемодана. - Не делай глупостей, не слушай подруг. Имущество у нас общее, никто никого на улицу не выгоняет. Я сейчас перееду, обживусь, а потом мы сядем за стол и решим все тихо, по-семейному. Без судов, скандалов и лишней грязи.

«По-семейному».

Это словосочетание повисло в прохладном воздухе прихожей, ядовитое и липкое. Он только что хладнокровно перечеркнул нашу семью, растоптал ее ради женщины с плейлистом «Vanessa», а теперь предлагал мне вести себя «по-семейному», чтобы ему не пришлось напрягаться с разделом имущества и тратить нервы. Чтобы его предательство обошлось ему максимально дешево и комфортно.

Я молчала. Губы пересохли настолько, что казались сде-

ланными из старой пергаментной бумаги. Если бы я попыталась сейчас разомкнуть их и что-то сказать, бумага бы неминуемо порвалась с кровью.

Леня воспринял мое гробовое молчание как привычное согласие. Как мою многолетнюю, удобную покорность, на которую он всегда рассчитывал.

Он взялся за тяжелую хромированную ручку входной двери. Потянул ее на себя. На лестничной клетке было прохладно, пахло сырой цементной пылью, побелкой и сквозняком.

Леня перешагнул порог вместе со своим идеальным кобальтовым чемоданом. Затем на секунду обернулся.

Он бросил на меня последний взгляд. В его глазах по-прежнему не было ни грамма раскаяния. Только легкая, снисходительная жалость к брошенной на обочине собаке и пульсирующее, жадное нетерпение человека, чья нога уже давит на педаль газа.

- Прости, если сможешь, Клав, - бросил он напоследок. - И не болей.

Он закрыл за собой дверь.

Он не хлопнул ей в сердцах. Не ударил так, чтобы затряслись стены и посыпалась штукатурка. Нет. Он закрыл тяжелую металлическую створку невероятно бережно, плавно, словно боялся разбудить спящего младенца.

Замок издал свой фирменный, тихий, вежливый писк. Система надежно заблокировалась, отрезав его новую жизнь от моей старой.

Я осталась стоять посреди прихожей совершенно одна.

Слева от меня, на идеальной стеклянной поверхности, лежала ровная пачка чужих денег. От них резко и неприятно пахло свежей типографской краской. Справа на стене ровно и холодно мигал синий диод датчика движения.

Квартира вокруг меня окончательно погрузилась в оглушительную, стерильную, высокотехнологичную тишину, в которой мне теперь предстояло научиться дышать заново.

Глава 3. Фантомные боли

Прошло двое суток с того момента, как наша входная дверь мягко закрылась за идеальным коньячным чемоданом моего мужа.

Самое страшное в предательстве - это не факт внезапно-го ухода человека. Самое страшное - это твои собственные, выдрессированные десятилетиями рефлексy.

Утюг тихо зашипел, выпустив облако густого влажного пара. Я стояла у гладильной доски и методично, миллиметр за миллиметром, разглаживала заломы на старом сером свитере. Это была домашняя вещь Лени, которую он обычно надевал, когда возился с инструментами на холодном балконе. Свитер не удостоился чести попасть в новую жизнь. Он остался висеть на спинке кухонного стула, забытый за ненадобностью, прямо как я.

Под горячей подошвой утюга влажная шерсть начала отдавать запахи. Я вдохнула эту смесь и закрыла глаза. Кедровый лосьон после бритья, чуть горьковатый трубочный табак и въевшийся, тяжелый аромат машинного масла. Знакомый до дрожи запах моего правильного, стабильного мира, который я кропотливо выстраивала всю свою сознательную жизнь.

Мой мозг прекрасно знал, что мужа в этой квартире больше нет. Что он, вероятно, прямо сейчас пьет свежесварен-

ный эспрессо в элитной новостройке с панорамными окнами и умным светом. Но мои руки этого еще не поняли. Рукам физически требовалось о ком-то заботиться. Они двигались сами по себе, выглаживая идеальные складки на рукавах, потому что Леня терпеть не мог неопрятность даже в старых, рабочих вещах.

Осознав, что именно я сейчас делаю, я замерла. Внутри не было злости или желания разрезать этот свитер ножницами на мелкие лоскуты. Было только жгучее, парализующее чувство стыда. Я словно смотрела на себя со стороны, препарируя собственную жалкую потребность прислуживать. Я понимала, что за годы брака сама добровольно стала заложницей быта, который возвела в абсолютный культ.

Я с сухим щелчком выдернула вилку утюга из розетки. Оставила свитер остывать на доске и пошла в прихожую.

Находиться в квартире было физически невыносимо. Наш умный дом, лишенный своего хозяина и создателя, теперь казался мне издевательской декорацией. Я делала шаг по коридору, и датчик движения под потолком приветливо щелкал, плавно зажигая теплый свет. Я шла на кухню - и там тоже вспыхивала диодная подсветка рабочих зон. Квартира словно конвоировала меня, послушно реагируя на каждое перемещение, но не давая ни капли настоящего, живого тепла.

Я накинула поверх помятого домашнего костюма свой старый бежевый плащ, обула мягкие кожаные лоферы и вы-

шла за дверь. Мне нужно было сбежать от этих умных, но абсолютно мертвых стен.

Супермаркет в соседнем квартале встретил меня химическим холодом холодильных витрин и безжалостно ярким светом люминесцентных ламп. Я взяла пластиковую тележку. Ролик на правом переднем колесе противно поскрипывал, задавая ритм моим медленным шагам.

И здесь снова включился беспощадный автопилот. Я шла вдоль длинных стеллажей с товарами и оценивала продукты не своими глазами, а желудком Лени. Это было сродни тяжелой хронической болезни. За сорок лет я настолько срослась с его вкусами, что мои собственные рецепторы атрофировались.

В отделе деликатесов рука сама потянулась к вакуумной упаковке выдержанного твердого сыра. Желтый, плотный треугольник с острым, пряным запахом, который, казалось, пробивался даже через толстую пленку. У меня от этого сыра всегда мучительно ныл желудок, я предпочитала обычный пресный творог. Но Леня обожал есть его по вторникам, отрезая толстыми кусками.

Я машинально положила сыр в тележку. Затем прошла к мясному прилавку и придирчиво выбрала два толстых куска парной говядины. Мужчине нужен плотный белок после тяжелой смены на объекте. Я всегда выбирала для него мякоть без единой жилки, раз за разом экономя на собственных желаниях ради качественного куска мяса на его тарелке.

Очередь на кассе двигалась медленно. Молодая девушка-кассир монотонно пробивала товары, равнодушно пикая сканером.

- Пакет нужен? - буркнула она, не поднимая на меня глаз.
- Да, пожалуйста, - мой голос прозвучал скрипуче и глухо.

Я достала из кошелька ту самую банковскую карту, которую Леня снисходительно позволил мне не блокировать на первое время. Приложила пластик к терминалу. Раздался короткий, пронзительный писк. Оплата прошла успешно. Этот банальный магазинный звук резанул по моим натянутым нервам чистым унижением. Я расплачивалась деньгами предавшего меня человека за продукты, которые были мне абсолютно не нужны.

Обратный путь дался тяжело. Пакет оттягивал руку, влажный весенний ветер забирался под расстегнутый плащ.

Я очнулась от своих мыслей только тогда, когда вышла из кабины лифта на своем этаже. На лестничной клетке привычно пахло сырой хлоркой от утренней уборки, мокрой цементной пылью и застарелым сквозняком. Гудела старая шахта.

Я подошла к нашей массивной металлической двери. Поставила тяжелый пластиковый пакет на пол, чтобы приложить палец к сканеру электронного замка. Пакет чуть накрепился на бок. Из-под пакета с обычным молоком выглянул желтый край дорогого сыра и бордовое пятно говядины.

Я замерла, так и не донеся руку до мигающей синей пане-

ли замка. На меня внезапно обрушилось понимание абсурдности происходящего.

Кому я это несу?

Мужчине, который перешагнул через сорок лет моей жизни со своим аккуратным чемоданом? Мужчине, который в эту самую минуту строит новый мир для другой женщины, пока я тащу в пустую квартиру стейки, от которых мне самой физически плохо?

Я медленно опустила руку. Развернулась, взяв пакет за плотные ручки.

В самом конце длинной площадки находился старый советский мусоропровод, который управляющая компания все никак не могла заварить. Я решительно подошла к нему. Взялась за толстую металлическую ручку и с усилием потянула на себя. Тяжелая крышка открылась с громким, лязгающим скрипом. Этот грубый, грязный звук стал потрясающим контрастом с тихим, вежливым щелчком замков в моей технологичной квартире.

Я залезла в пакет. Достала вакуумную упаковку с сыром. На секунду задержала ее в пальцах, чувствуя плотность продукта, за который только что отдала немалые деньги, и безжалостно швырнула треугольник в черную, пахнущую сыростью дыру.

Следом туда же полетела тяжелая подложка с идеальной говядиной.

Я стояла и слушала. Глухой, долгий стук падающих про-

дуктов, с силой бьющихся о жестяные стенки трубы на протяжении десяти этажей вниз. Бум. Лязг. Бум.

Этот звук стал для меня первым актом настоящего очищения. Первым крошечным бунтом против моей собственной въевшейся в подкорку услужливости. Я с силой захлопнула металлическую крышку мусоропровода, отряхнула руки и вернулась к своей двери.

Когда я переступила порог, умный свет снова зажегся, но теперь он не вызывал у меня прежнего удушья. Я занесла полупустой пакет на кухню. Выложила на холодную столешницу из искусственного камня свой пресный обезжиренный творог, упаковку хорошего листового чая и пучок свежей зелени. Воздух в квартире больше не казался таким вязким. Злость, неожиданно вспыхнувшая во мне на грязной лестничной клетке, выжгла часть липкой, парализующей боли.

Мой взгляд упал на небольшую стеклянную полку в коридоре. Там, в тонкой хромированной рамке, стояла семейная фотография пятилетней давности. Леня, еще с густыми волосами без явной седины, крепко держал за плечо нашего взрослого сына Вову. Они улыбались, глядя в объектив фотоаппарата.

Я подошла ближе и провела подушечкой пальца по гладкому стеклу, стирая пыль с лица сына.

Мужья могут стать абсолютно чужими людьми за одну короткую ночь. Они могут вычеркнуть тебя ради сценария умного дома и свежих впечатлений. Но сын - это совершенно

другое. Это моя плоть и кровь. Это человек, которого я выносила, выкормила и вырастила. Опора, которая не может исчезнуть.

Я вернулась на кухню и достала из верхнего шкафчика большой пластиковый контейнер с надежными защелками. Выставила на стол стеклянную миску, муку, яйца и пачку только что купленного творога. Мои руки снова нашли себе работу, но теперь она имела совсем другой смысл. Я быстро и ловко замесила мягкое тесто. Сформировала круглые, ровные сырники, слегка обваляла их в белой муке.

Вова с самого раннего детства обожал мои сырники. Он мог съесть целую гору, щедро поливая их сметаной и запивая теплым чаем.

Сковорода тихо зашипела, принимая в раскаленное масло аккуратные творожные кругляши. Просторная кухня наполнилась густым, по-настоящему домашним запахом жареного теста и сладкой ванили. Запах моего материнства. Запах тех далеких времен, когда проблемы решались порцией вкусной еды и долгим разговором за столом. Я методично переворачивала сырники деревянной лопаткой, добиваясь идеальной золотистой корочки.

Завтра рано утром я поеду к нему в его ипотечную квартиру. Отвезу свежий домашний завтрак. Расскажу все как есть. Что бы ни разрушил в моей жизни Леня, у меня все еще оставалась семья, на которую я могла опереться. Вова - взрослый, современный мужчина. Мой единственный сын.

Он выслушает, обнимет и точно не даст свою мать в обиду.

Я сняла последние горячие сырники со сковороды, аккуратно уложила их в контейнер на плотную бумажную салфетку. Закрыла крышку, надавив на пластиковые ушки до характерного щелчка.

Мой брак закончился, но я все еще была матерью. И завтра я больше не буду одна.

Глава 4. Чужой огонь (Леонид)

от лица Леонида

В пятьдесят восемь лет настоящая цена мужчины измеряется не красивыми словами, извинениями или цифрами на банковском счете, а тем, какие сложные механизмы он способен заставить работать голыми руками.

Я с нажимом провернул отвертку с ребристой прорезиненной ручкой. Тугой, неподатливый винт наконец-то сдался с тихим металлическим хрустом. Тяжелая хромированная панель дорогушей итальянской вытяжки мягко, с идеальным совпадением зазоров встала в пазы. Я щелкнул тумблером на сенсорной панели, и мощный мотор над моей головой утробно, ровно загудел, жадно втягивая в себя сизый дым.

Воздух на просторной кухне был тяжелым, непривычным. Он пах сожженными до черноты тостами, дорогим интерьерным диффузором с нотами сандала и кожи, и легкой утренней паникой хозяйки. Никакой привычной домашней выпечки, сладкой ванили или влажной торфяной земли от бесконечных цветочных горшков, которыми была заставлена моя прошлая жизнь. Абсолютно чужой, резкий, графичный мир из прозрачного стекла и холодного черного мрамора. Мир, в который я сам добровольно решил шагнуть.

Я аккуратно спустился с блестящей алюминиевой стремянки, отряхнул ладони друг о друга. Мой стальной серый

кашемировый пуловер - тот самый, который я педантично, шов к шву, укладывал в свой кожаный чемодан - остался безупречно чистым. Я всегда умел работать чисто, без лишней суеты и грязи. Профессиональная инженерная привычка.

- Леня, ты просто гений, - голос Ванессы прозвучал за моей спиной с неподдельным, искренним восхищением.

Она стояла у кухонного острова, опираясь стройными бедрами на прохладный камень столешницы. Идеально прямые темные волосы уложены в строгое геометрическое каре, на ногах - узкие бежевые лодочки на высокой шпильке. На ней был темно-бордовый деловой брючный костюм, который сидел так, словно его шили на заказ в Милане.

- Эти сервисные идиоты обещали прислать мастера только к вечеру пятницы, - она раздраженно бросила свой тонкий смартфон на стол. - Я чуть всю квартиру не спалила с этим дурацким тостером. Что бы я вообще без тебя делала?

Я снисходительно усмехнулся, убирая отвертку в свой профессиональный жесткий кофр с инструментами, который всегда лежал в багажнике моей машины. Внутри меня, прямо под ребрами, разливалось густое, горячее чувство собственной значимости. Это был тот самый чистый адреналин, которого мне так отчаянно не хватало последние десять лет.

Для Клавды мои золотые руки давно стали чем-то само собой разумеющимся. Рутинной. Базовой заводской настройкой нашего брака. Я мог собрать с нуля самый сложный многоуров-

невый электрощит, настроить систему управления климатом во всей квартире, а она лишь кивала, подавала мне чай и шла протирать пыль в коридоре. В ее стерильном, предсказуемом уюте просто не было места для мужских подвигов. Все работало и так. А здесь... Здесь молодая, красивая, успешная женщина смотрела на меня как на единственного спасителя.

Я чувствовал себя живым. Мощным. Альфа-самцом, который пришел на чужую территорию и одним уверенным движением руки решил сложную техническую проблему. Ради этого пульса в висках стоило менять жизнь. И я совершенно не испытывал перед бывшей женой жгучего чувства вины, которое якобы должен испытывать изменник. Я поступил честно и предельно рационально. Я оставил ей упакованную по последнему слову техники квартиру, перевел солидную сумму денег на первое время, не стал устраивать грязных скандалов с битьем посуды. Мы просто исчерпали друг друга, как старая батарейка. Я взял свой чемодан и ушел туда, где есть энергия, оставив ей ее безопасную, тихую гавань. Честная сделка взрослых людей.

Ванесса грациозно подошла к навороченной, похожей на космический корабль кофемашине. Раздалось агрессивное шипение пара, в воздухе остро и терпко запахло свежемолотыми кофейными зернами.

Она поставила передо мной крошечную чашку из шершавой матовой черной керамики. Чашка казалась нелепой игрушкой в моих широких ладонях с грубой, привыкшей к тол-

стым кабелям кожей. Дома Клава всегда наливала мне чай в большую, удобную кружку из тонкого костяного фарфора, с потертой золотой каемкой. Я сделал короткий глоток. Эспрессо оказался обжигающим, густым и бескомпромиссно горьким. Никакого сахара, никаких сливок.

- Значит, ты окончательно перевез вещи? - Ванесса отпила из своей чашки, внимательно глядя на меня поверх черного ободка.

- Основной гардероб забрал, - спокойно и ровно ответил я, прислонившись к мраморному острову. - Остальные приборы, лазерные уровни и мелочевку заберу позже. Оставил Клаве деньги. Возражать она не стала, приняла как данность. Без истерик.

- Вот и отлично. Давно пора было скинуть этот пыльный балласт, - Ванесса буднично пожала плечами, словно речь шла о старом зимнем пальто, сданном в благотворительный фонд. - Ты мужик в самом соку, Лень. У тебя огромный потенциал. А с ней ты бы просто заплесневел среди ее дурацкой рассады.

Слово "балласт" больно царапнуло слух. Остро, как металлическая стружка под ногтем.

Клава никогда не была балластом. Она была матерью моего единственного сына, преданной, заботливой женщиной, которая долгие годы обеспечивала мне идеальный, бесперебойный тыл. Да, она стала пресной, скучной, предсказуемой до зевоты, но называть сорок лет моей жизни балластом... Я

чуть нахмурился, глядя на темную, маслянистую кофейную гущу на дне чашки. Но тут же усилием воли подавил это секундное раздражение. Ванесса - современная, жесткая женщина бизнеса. Она привыкла называть вещи своими именами, без лишних слюней и сантиментов. К этому просто нужно привыкнуть. Я же сам хотел огня, скорости и бескомпромиссности. Вот она, получай.

Я поднял взгляд, собираясь сказать ей что-то теплое, протянуть к себе за талию, почувствовать под руками гладкую ткань ее костюма.

Но атмосфера утренней романтики вдруг свернулась и исчезла, как удаленный файл.

Ванесса резко, по-деловому посмотрела на массивные смарт-часы на левом запястье. В ее глазах моментально погас тот восхищенный, мягкий женский свет, с которым она смотрела на меня пятнадцать минут назад. Лицо мгновенно заострилось, линия подбородка стала жесткой. Включился привычный для нее режим руководителя.

- Так, Лен, мне пора лететь в салон на встречу с поставщиками, - она быстрым шагом подошла к краю стола и взяла свой тонкий рабочий планшет. - Поставь чашки в посудомойку, ладно?

Она даже не смотрела на меня. Ее пальцы с безупречным маникюром быстро порхали по стеклянному экрану, отправляя кому-то сообщения.

- Слушай, я там тебе в мессенджер скинула смету по заго-

родному дому, - заговорила она сухим, требовательным тоном, в котором не было ни капли вчерашнего флирта. - Съезди сегодня на оптовую строительную базу. Подрядчики, кажется, внаглую воруют цемент, и накладные у них не сходятся с объемами. Проверь каждую позицию, встряси из них душу, если надо.

Я медленно поставил матовую чашку на блюдце. Керамика звякнула о стол чуть громче, чем я рассчитывал.

- На базу? - переспросил я, чувствуя, как напрягаются мышцы шеи. - Я только переехал, вообще-то. Вторые сутки на ногах, вещи разбирал, спал урывками... И у меня легальные отгулы на основной работе до конца недели.

- Вещи никуда не денутся, доразберешь вечером, - отрезала Ванесса, закидывая планшет в свою дорожную, вместительную сумку из телячьей кожи. - И посмотри там заодно проводку на террасе. Мне кажется, эти идиоты взяли не то сечение кабеля для уличного света. Если это так, заставь их все демонтировать, а лучше сам перебери щиток на первом этаже, пока я на встречах. Я никому из них не доверяю, только тебе. У тебя же руки золотые. До выходных мы обязаны закрыть этот вопрос, иначе сроки сдачи горят, а там штрафы по договору.

Она подошла ко мне вплотную. От нее пахло тем самым тяжелым, властным парфюмом, который въелся в воротники моих рубашек. Она быстро, почти механически клонула меня в щеку. Так обычно целуют очень полезного, но подчи-

ненного сотрудника в знак поощрения за удачно выполненный квартальный план.

- Ты же мой спаситель, - бросила она на ходу, уже направляясь в просторную прихожую. - Ключи от моей второй машины на тумбочке, возьми кроссовер, чтобы не гонять такси по грязи. Вечером закажем еду из ресторана.

Тяжелая входная дверь с мягким, дорогим стуком электронного замка захлопнулась.

Я остался совершенно один в огромной, звенящей пустотой дизайнерской кухне, где воздух все еще неприятно пах сожженным хлебом.

Медленно достал из кармана джинсов свой смартфон. Экран приветливо мигнул, показывая новое сообщение в мессенджере. Длинный, бесконечный файл с перечнем черновых материалов, сметах, расчетами сечений кабелей и задачами по огромному двухэтажному дому.

Я посмотрел на свои руки. На костяшках пальцев, отвыкших от подобной спешки по утрам, синевато вздулись вены. В пояснице глухо, но очень настойчиво стрельнула знакомая, неприятная возрастная боль - закономерные последствия того, что я минут двадцать неудачно изгибался на алюминиевой стремянке, ковыряясь в моторе чужой вытяжки.

Я уходил за страстью. Я ждал обновления, свежего ветра, который сдует с меня пыль унылых, одинаковых семейных вечеров. Но сейчас, глядя на этот сухой технический файл в телефоне, я вдруг с ледяной, отрезвляющей ясностью осо-

знал одну невероятно простую вещь. Вместо заслуженного отдыха и страстного медового месяца с красивой женщиной я только что получил полноценный, абсолютно неоплачиваемый рабочий день длиной часов в десять. На холодном, сыром сквозняке недостроенной загородной террасы. С чужими, наглыми, вороватыми подрядчиками, с которыми мне предстоит ругаться до хрипоты.

Где-то глубоко внутри, под ребрами, там, где еще недавно разливалось чувство альфа-самца, шевельнулся первый, едва уловимый, липкий холодок сомнения. В носу вдруг фантомно щекотнул запах теплой ванили. Я вспомнил мягкий свет нашего кухонного торшера и горячие, пышные, румяные сырники, которые Клава всегда пекла по утрам, если я брал отгул после сложных смен. Она всегда ставила их передо мной в идеальном пластиковом контейнере.

- Ерунда, - вслух произнес я, резко тряхнув головой и отгоняя это неуместное наваждение.

Звук собственного голоса в пустой, стерильной квартире показался мне неестественно громким и чужим.

- Зато я чувствую себя нужным. Зато я живой, - твердо сказал я самому себе.

Я решительно заблокировал экран телефона, сунул его во внутренний карман куртки, поднял с пола свой тяжелый рабочий кофр и пошел собираться на стройку.

Глава 5. Удар в спину

Тонкие полиэтиленовые ручки пакета, в котором лежал пластиковый контейнер с сырниками, больно врезались в озябшие пальцы. Я стояла на лестничной клетке типовой новостройки эконом-класса, переминаясь с ноги на ногу в своих мягких кожаных лоферах, и чувствовала себя абсолютно чужеродным элементом в этом здании.

Сквозь щели в недорогих металлических дверях тянуло подгоревшей яичницей, старым кошачьим наполнителем и сырой цементной пылью. Этот тяжелый, кислый запах утренней коммунальной суеты разительно отличался от стерильного, пропущенного через умные фильтры воздуха моей собственной квартиры. Там, в моем высокотехнологичном мавзолее, сейчас царила мертвая тишина, пахнувшая озоном и одиночеством. А здесь жизнь кипела, ругалась, жарила то-ропливые завтраки и собиралась на работу.

Я подняла руку и нажала на кнопку звонка. Она запахла внутрь с противным, дешевым хрустом. Где-то в глубине квартиры неохотно, хрипло тренькнула мелодия.

За дверью послышалось шарканье резиновых тапочек. Дважды щелкнул тугой поворотный замок.

На пороге стояла моя невестка Инга. Заспанная, со следами от жесткой подушки на щеке, в вытянутой серой домашней футболке, которая давно потеряла форму после много-

численных стирок. Ее светлые волосы были наспех собраны на затылке в небрежный, растрепанный пучок. Увидев меня в такую рань, она растерянно моргнула, инстинктивно запахивая на груди тонкую ткань.

Мы с Ингой никогда не были близки. Нас связывал лишь холодный вежливый нейтралитет двух женщин, которые вынуждены терпеть друг друга ради одного мужчины. Я в глубине души всегда считала ее недостаточно хозяйственной для моего сына, а она меня - слишком требовательной и педантичной свекровью.

- Клавдия Ивановна? Господи, что случилось? - ее голос дрогнул от искреннего испуга. Она отступила в сторону, освобождая проход. - Проходите скорее. Вы такая бледная... На вас лица нет.

- Доброе утро, Инга, - мой голос прозвучал на удивление ровно. Я сама поразилась этой сухой, механической интонации. - Вова уже проснулся?

- Да, на кухне сидит, кофе пьет. Ему на работу выходить через сорок минут.

Я стянула свой бежевый плащ, повесила его на шаткий металлический крючок в прихожей и прошла по узкому, темному коридору. Под подошвой лофера неприятно хрустнула какая-то забытая пластиковая деталь от детского конструктора моей внучки Гали. Раньше этот вечный, неистребимый бытовой хаос в ипотечной квартире сына меня глухо раздражал, мне всегда хотелось немедленно взять тряпку и навести

здесь мои идеальные, выверенные порядки. Но сейчас мне было абсолютно все равно.

На тесной кухне нутужно, с дребезжанием гудел старый холодильник. Мой тридцатипятилетний сын сидел за столом, ссутулив уже начавшие полнеть плечи, и не отрываясь смотрел в экран смартфона. Возле его локтя дымилась щербатая керамическая кружка. В воздухе резко и кисло пахло дешевым растворимым кофе. Этот запах ударил по моему обонянию, вызвав короткий спазм в горле. Слишком разительным был контраст с тем густым, бескомпромиссно горьким эспрессо, который по утрам привык пить его отец.

- Мам? - Вова оторвался от светящегося экрана, удивленно вскинув брови. Он даже не попытался встать. - Ты чего в такую рань приехала без звонка? Случилось что-то? Давление опять скачет?

Я молча подошла к столу. Достала из пакета большой контейнер, с усилием отщелкнула тугие пластиковые ушки по краям. Теплый, уютный запах домашней ванили, жареного теста и сладкого творога мгновенно вытеснил химическую кофейную горечь. Запах моего безотказного материнства. Запах решения всех проблем, к которому он привык с раннего детства.

Я медленно опустилась на жесткую табуретку напротив сына. Сложила озябшие руки на коленях, сцепив пальцы так крепко, что побелели костяшки.

- Твой отец ушел от меня, Вова, - сказала я просто, гля-

дя прямо в его сонные глаза. - Собрал свой чемодан и ушел. Сказал, что задыхается в нашем браке. У него другая женщина. Намного моложе меня. Мы будем разводиться.

Я затаила дыхание. Я ждала чего угодно. Что он поперхнется своим кофе. Вскочит с места, с грохотом опрокинув стул. Начнет задавать сбивчивые вопросы или схватит телефон, чтобы позвонить отцу с возмущениями. Бросится меня обнимать, в конце концов. Я приехала сюда за безусловной защитой взрослого мужчины, которого я выносила, выкормила и воспитала. За надежным плечом, на которое можно опереться, когда твой привычный мир рушится и рассыпается на куски.

Но Вова не вскочил. И не выронил телефон.

Он лишь медленно опустил аппарат экраном вниз на вздувшийся от постоянной влаги стык дешевого ламината на столешнице. Потянулся к открытому контейнеру. Взял еще теплый, золотистый сырник, откусил ровно половину и принялся методично жевать, глядя куда-то поверх моего плеча.

Затем он поднял свободную левую руку и с сильным нажимом потер переносицу.

Внутри меня что-то с противным, стеклянным звоном оборвалось. Это был жест Лени. Точная, генетическая копия жеста моего мужа, который он всегда делал перед тем, как озвучить жесткое, бескомпромиссное инженерное решение.

- Мам, ну что ты нагнетаешь с самого утра? - Вова раздраженно вздохнул, с трудом проглотив сухую еду. Его тон был

таким, словно я пришла к нему с жалобой на перегоревшую лампочку на лестничной клетке, а не с разрушенной в пыль жизнью. - Ну седина в бороду, бес в ребро. Понимать надо мужиков.

- Понимать? - тихо, почти одними губами переспросила я.

- Ну конечно. Бывает. Кризис возраста у человека. Да перебесится он через пару месяцев с этой своей новой пассией, устанет от ее закидонов и вернется обратно на свой любимый домашний диван. Зачем сразу кидаться такими громкими словами про развод? Тебе шестьдесят пять лет, ему под шестьдесят. Кому вы нужны с этими итальянскими страстями? Будь мудрее, промолчи. Зачем из мухи слона делать?

Я смотрела на него и не могла заставить себя моргнуть. Мой мальчик. Мой единственный сын. Тот самый, ради которого я долгими годами сэкономила на себе, отказывала себе в новых зимних сапогах и поездках в санаторий, чтобы оплачивать его дорогих репетиторов перед поступлением в институт. Тот, кому я ночами протирала паровые овощи через мелкое сито, когда он болел. Он сидел сейчас передо мной и спокойным, ленивым тоном предлагал мне просто закрыть глаза на то, что об меня публично вытерли ноги.

- Будь мудрее? - повторила я. В горле окончательно пересохло, слова царапали гортань, как битое стекло. - То есть я должна сидеть в пустой квартире и покорно ждать, пока он наиграется с молодой любовницей, построит ей дом, а потом снова подавать ему наваристый суп? Ты это сейчас серьезно

говоришь, Володя?

Вова поморщился. Маска снисходительного сочувствия мгновенно слетела с его лица, обнажив некрасивое, суетливое, чисто бытовое раздражение задерганного жизнью клерка.

- Мам, давай начистоту, - он подался вперед, перейдя на жесткий, почти деловой тон. - У Инги зарплата на удаленке копеечная. У нас ипотека еще пятнадцать лет висит, как бетонная плита на шее. У машины коробка передач летит, в сервисе вчера сказали, что ремонт в круглую сумму встанет. Мне с отцом сейчас ссориться вообще нельзя!

Он с силой ударил ладонью по столу, заставив кружку с остатками кофе жалобно звякнуть.

- Он нам всю старую проводку на даче бесплатно перетягивает! Ты вообще цены на хорошего электрика сейчас видела? А материалы сколько стоят? Он нам деньгами каждый месяц подкидывает, чтобы мы концы с концами сводили. Я не могу из-за ваших старческих обид и драм остаться без ремонта и финансовой поддержки! Потерпи ты. Займись своими цветами, рассадой. Не разрушай все окончательно, мне это сейчас вообще не вовремя!

Слова падали на липкий кухонный стол, как тяжелые, грязные камни.

Я сидела неподвижно и смотрела, как методично двигаются челюсти моего сына, дожевывающего вторую половину сырника. Моей заботы. Он пережевывал мою безотказную

материнскую любовь так же обыденно, как сейчас переживал мою женскую гордость.

Вова не был злым или жестоким чудовищем, нет. Хуже. Он был просто до мозга костей удобным, уставшим от своих проблем эгоистом. Бесплатные розетки, халявные провода и регулярные отцовские дотации оказались для него важнее моего растоптанного в грязь достоинства. Ради своего личного комфорта он был готов собственными руками скормить меня обратно предавшему отцу.

В тесной кухне повисла тяжелая, звенящая тишина. Слышно было только, как капает вода из неплотно закрытого крана. Кап. Кап.

Я инстинктивно перевела взгляд в сторону коридора. У дверного косяка замерла Инга. В руках она судорожно, до побелевших костяшек комкала кухонное вафельное полотенце. Она стояла там все это время и слышала каждое слово своего мужа.

Лицо невестки стало пепельно-серым, черты заострились. Наши взгляды пересеклись всего на одну долгую, тягучую секунду. И в глазах этой женщины я вдруг увидела неподдельный, липкий, первобытный страх. Инга смотрела на профиль Вовы и явно примеряла эту страшную ситуацию на себя. До нее вдруг дошло: если ее муж так легко, не задумываясь, продал родную мать за бесплатную проводку, то с ней, с законной женой, он однажды поступит в разы хуже, когда она станет для него старой и неудобной.

Впервые за все годы нашего натянутого общения я увидела в глазах невестки не дежурную вежливость, а подлинное, глубокое сострадание.

В моем рту отчетливо появился тошнотворный вкус сухого, холодного пепла.

Никакой истерики не случилось. Внутри меня не было ни слез, ни желания кричать, ни потребности бить посуду об стену. Внутри просто щелкнул невидимый рубильник, и включили свет. Остывающий сырник на столе вдруг показался мне самым жалким зрелищем на свете. Символом моей собственной жизни - удобной, мягкой, безотказной функции, которой попользовались, вытерли рот салфеткой и пошли дальше по своим важным делам.

Я медленно, опираясь холодными ладонями о столешницу, поднялась с табуретки. Расправила плечи. Это простое физическое движение далось мне с такой невероятной болью, словно на спину обрушилась чугунная балка.

- Приятного аппетита, Володя, - мой голос прозвучал сухо и бесцветно, как шелест старой архивной бумаги. - И удачи с проводкой.

Я не стала слушать, что он начнет торопливо говорить в свое оправдание. Я просто отвернулась и пошла прочь с этой пропахшей кислым кофе кухни.

В коридоре я сняла с крючка плащ, накинула его на плечи, даже не пытаясь застегнуть пуговицы. Сунула ноги в лоферы. Инга стояла в стороне, вжавшись спиной в обои, и про-

вожала меня немигающим взглядом. Она не сказала ни слова, но я видела, как мелко дрожат ее губы.

Хлипкая входная дверь из тонкого МДФ захлопнулась за мной со звонким, дешевым щелчком. Этот звук отрезал меня от прошлого надежнее, чем любой заблокированный электронный замок Лени.

Я спустилась на расписанном маркерами старом лифте и вышла из подъезда.

Лицо тут же обдало влажной, пронизывающей весенней моросью. Воздух на улице был промозглым, злым, пробирающим до самых костей. Холодный ветер трепал полы моего расстегнутого плаща. Ноги слушались плохо, колени предательски дрожали под весом осознания, что теперь я абсолютно, тотально раздета и предана дважды.

Я огляделась по сторонам, шурясь от мелкого колючего дождя. Через дорогу виднелся небольшой сквер со старыми, мокрыми деревянными скамейками. Я пошла туда на чистом автопилоте, механически переставляя негнущиеся ноги по серому, растрескавшемуся асфальту. Мне нужно было просто дойти дотуда и сесть, чтобы не упасть прямо здесь, в грязную весеннюю лужу.

Глава 6. Горький чабрец и чужие страхи

Быть мудрее.

В переводе с мужского языка на женский это словосочетание всегда означало лишь одно: закрой глаза, проглоти унижение и продолжай бесперебойно обслуживать наш комфорт.

Я сидела на мокрой деревянной скамейке в небольшом сквере напротив дома сына. Весенняя морось не была шумной или драматичной, она сеялась с серого неба методично, мелко и совершенно равнодушно. Тонкий хлопок моего домашнего костюма под растянутым бежевым плащом давно промок насквозь и теперь противно лип к телу. Ледяная вода медленно, но верно затекла в мягкие кожаные лоферы, выстуживая пальцы ног до самых костей. Я не удосужилась даже переодеться перед выходом. В состоянии, когда твоя жизнь разлетелась в пыль, выбор подходящих брюк кажется глупейшим занятием на свете.

Но я почти не чувствовала холода. Внутри меня стояла звенящая, вакуумная пустота, к которой примешивалась лишь легкая, но настойчивая тошнота.

Перед глазами, как заевшая, затертая до дыр киноплёнка, снова и снова крутился один и тот же кадр: челюсти Воло-

ди мерно двигаются, пережевывая золотистую корочку моего сырника. Запах домашней ванили, сладкого творога - и совершенно будничный тон, которым мой единственный ребенок отправлял меня обратно на плаху. Ради того, чтобы его отец бесплатно поменял ему проводку на старой даче.

Я смотрела на темные окна пятого этажа типичной панельной многоэтажки. Всю свою жизнь я учила Володю быть хорошим, правильным мальчиком. Я приучала его к тому, что семья - это нерушимая крепость. Я сэкономила на новых сапогах, чтобы оплатить ему репетиторов. Но я забыла научить его одной важной вещи: уважать женщину, которая стоит у плиты. Для Лени я всегда была надежным фундаментом, для Вовы - безотказным банкоматом заботы. Я сама, по собственной воле, превратилась в старый, удобный бытовой прибор. А когда прибор начинает сбоить или требовать к себе человеческого внимания, его не чинят. Его просто выставляют за дверь за ненадобностью.

Сзади, по мокрому, растрескавшемуся асфальту раздались торопливые, шлепающие шаги. Кто-то бежал прямо по лужам, не разбирая дороги.

На скамейку рядом со мной тяжело, с шумным присвистом опустилась Инга. На ней была накинута безразмерная, цвета хаки рыбацкая куртка Володи, которая проглотила ее худую фигуру целиком. На босые ноги невестка наспех натянула старые кроссовки со смятыми задниками. Ее светлые волосы прилипли к мокрым щекам.

Ее тонкие пальцы, мелко дрожащие от сырости и волнения, суетливо залезли в бездонный карман куртки. Она вытащила побитый, исцарапанный металлический термос. Резкий, скрежещущий звук откручивающейся крышки резанул по ушам, перекрывая монотонный гул утреннего проспекта.

Воздух вокруг нас пах промозглой хмарью, мокрой цементной пылью и горьким автомобильным выхлопом. Но когда Инга налила темную жидкость в крышку-стаканчик, в этот стылый, мертвый городской пейзаж вдруг ворвался густой, обжигающий аромат черного чая с чабрецом. Запах сухих летних трав, прогретой земли и настоящего, неподдельного тепла. Контраст с дешевым, кислым растворимым кофе, который я только что нюхала на кухне сына, был разительным.

- Пейте, - хрипло скомандовала Инга, затравленно озираясь на обшарпанную металлическую дверь своего подъезда. - Вова в душ пошел, перед работой. Я только на пять минут выскочила, пока вода шумит.

Она буквально впихнула горячий металлический стаканчик в мои окоченевшие, негнущиеся пальцы.

Я послушно сделала глоток. Обжигающая жидкость прокатилась по пищеводу, заставляя желудок болезненно сжаться, но тепло начало медленно возвращать физическую чувствительность моему заледеневшему телу.

Инга не пыталась строить из себя благородную спасительницу или сочувствующую подружку. Ее лицо, помятое по-

сле короткого сна, сейчас казалось заострившимся, пепельно-серым. И на этом лице отчетливо читалась первобытная, эгоистичная, чисто женская паника.

- Я все слышала там, в коридоре, Клавдия Ивановна, - говорила она быстро, проглатывая окончания слов, словно боялась, что муж вот-вот выйдет на балкон. - Каждое слово вашего сына. Я стояла у стены и дышать боялась.

Она судорожно сглотнула, обхватив себя руками поверх огромной мужской куртки.

- Я на него смотрела, и у меня внутри все просто оборвалось. Понимаете? Если он родную мать так легко, даже не поперхнувшись, на бесплатные розетки и кусок ипотеки променял... что он со мной-то сделает?

- Инга... - попыталась сказать я сухими губами, но она резко мотнула головой, стряхивая капли дождя.

- Нет, вы послушайте. Я же для него вообще никто по сравнению с вами. Кровь не родная. А если я постарею раньше времени? Или если серьезно заболею, не дай бог? Он же меня точно так же на помойку выкинет, как старые башмаки. Вы для него удобная функция, и я - просто функция, которая стирает, готовит и закрывает дыры в бюджете своей копеечной зарплатой на удаленке.

Я смотрела на ее растрепанный пучок на затылке. Я годами выставляла невестке мысленные оценки за раскиданные в коридоре детские игрушки и разводы на зеркалах. Я всегда гордилась своим идеальным, хирургически стерильным

домом на фоне ее бытового хаоса. Какая непростительная, высокомерная глупость.

На этой грязной мокрой скамейке до меня вдруг дошло со всей пугающей ясностью: Инга не была ленивой или плохой женой. Она была просто смертельно уставшей женщиной, запертой в клетке чужого комфорта. Точно такой же, как я. Мы обе годами обслуживали эгоизм мужчин семьи Востриковых, только находились на разных этапах этого конвейера.

Инга запустила руку во внутренний карман рыбацкой куртки. Вытащила небольшой прямоугольник и положила его прямо на мое влажное колено.

- Это адвокат по семейным делам, - тон невестки вдруг стал сухим, жестким и расчетливым. Бухгалтерским. - Злая баба, зубастая. Мою двоюродную сестру из такой же грязи вытащила два года назад, когда ее бывший пытался ее без штанов оставить.

Я опустила взгляд. Белый матовый картон выделялся на фоне моей промокшей бежевой ткани.

- Ваш Леонид - мужик сильно продуманный, - продолжила Инга, наклоняясь ближе. - Такие педанты, как он, чемоданы просто так в один день не пакуют. Я с цифрами работаю, Клавдия Ивановна. Я видела, как он коммуналку оплачивает, как чеки собирает. Наверняка он уже давно общие счета подчистил, деньги перевел, тылы себе прикрыл, пока вы ему рубашки гладили. Он же уверен, что вы будете тихо плакать в платочек дома и не посмеете вынести сор из избы. Звоните

ей сегодня же.

Инга забрала из моих рук пустую крышку, торопливо, с тихим скрипом навинтила ее обратно на термос.

- Не смейте быть "мудрой", Клавдия Ивановна, - она посмотрела мне прямо в глаза, и в ее взгляде не было ни капли прежней, вымученной семейной вежливости. Только отчаянная мольба человека, который смотрит в зеркало своего собственного будущего. - Если вы сейчас проглотите это дерьмо и сдадитесь, значит, мы обе тут просто бесплатная прислуга. Без права голоса. А я так не хочу. И для своей Галки такого будущего не хочу.

Невестка неловко, но очень крепко сжала мое ледяное плечо через влажную ткань плаща. А затем резко развернулась и побежала обратно к подъезду, тяжело шлепая стоптанными кроссовками по глубоким весенним лужам.

Тонкая дверь подъезда хлопнула. Я снова осталась одна.

Дождь продолжал идти, крупные, тяжелые капли срывались с голых веток старой липы, но мне больше не было холодно. Липкое, парализующее оцепенение, в котором я находилась последние дни, начало отступать. Обжигающий травяной чай и голый, неприкрытый страх моей невестки запустили внутри меня странную химическую реакцию.

Глухая, тягучая боль вдруг сменилась злостью.

Она не была похожа на ревущее пламя или картинную женскую истерику из сериалов. Это была маленькая, сконцентрированная злость, острая и колючая, как осколок бито-

го стекла, вонзившийся глубоко под кожу. Но она была удивительно горячей. Она грела меня изнутри.

Я взяла визитку с колена. Плотный, качественный матовый картон, который еще не успел размокнуть от сырости. Я провела подушечкой большого пальца по выпуклым, глянцевым буквам имени адвоката. Почувствовала их жесткую фактуру. Это было осязаемое, материальное доказательство того, что я могу не просто молча терпеть удары, а бить в ответ.

Леонид годами выстраивал свои сложные схемы, прятал провода под штукатурку, программировал умные замки. Он думал, что оставил меня в высокотехнологичной резервации доживать свой век на тех условиях, которые великодушно продиктовал сам. Володя предложил мне покорно сидеть на коврике и ждать, пока хозяин нагуляется и соизволит вернуться.

Я не стала давать себе клятв о страшной мести. В шестьдесят пять лет это выглядит смешно и жалко. Я просто встала с мокрой скамейки. Полы тяжелого, пропитанного водой плаща облепили ноги. Я аккуратно, чтобы не помять, опустила визитку глубоко в единственный сухой внутренний карман.

Мне больше не хотелось прятаться в стерильной тишине своей идеальной кухни. Не хотелось ждать, пока этот рухнувший потолок окончательно раздавит меня своими бетонными плитами. У меня отняли мое прошлое, но я не собиралась отдавать им свое будущее. Ни за бесплатную дачную провод-

ку, ни за мнимый статус добропорядочной, мудрой жены.

Вдалеке, по мокрому асфальту проспекта зашипели тяжелые шины. К остановке у сквера медленно, мигая желтым поворотником, подъезжал городской автобус. Он шел в центр. Прочь от спального района, прочь от дома моего сына. На всегда.

Я поправила воротник, шагнула прямо в холодную лужу, уже не обращая внимания на чавкающую в лоферах воду, и пошла к открывающимся дверям.

Глава 7. Иллюзия «Нас»

- Снимите плащ, Клавдия Ивановна. Вы безнадежно испортите мне кожаную обивку кресла, а себе заработаете двустороннюю пневмонию.

Голос Зинаиды Аркадьевны прозвучал ровно, сухо, без единой капли дежурного, липкого женского сочувствия. Я стояла посреди просторного кабинета, чувствуя, как с подола моего бежевого плаща на дорогой дубовый паркет с тихим стуком стекают тяжелые, грязные капли. В мягких кожаных лоферах отвратительно хлюпала ледяная вода. Тонкий хлопок домашнего костюма намертво прилип к плечам, заставляя меня мелко, неконтролируемо дрожать от каждого вдоха.

Я послушно стянула тяжелую, пропитанную весенним дождем ткань. Аккуратно повесила плащ на металлическую напольную вешалку у массивной двери.

В конторе адвоката пахло так, как пахнет чужая, недостижимая уверенность. Сухой бумажной пылью, старым деревом, терпким парфюмом и свежемолотым кофе. Зинаида Аркадьевна, подтянутая женщина лет пятидесяти в строгом темно-синем жакете, не стала предлагать мне носовые платки, не стала вздыхать или вести утешительные беседы о нелегкой женской доле. Она молча придвинула ко мне прямоугольную картонную коробку с плотными бумажными салфетками и

поставила на край стола тяжелую керамическую кружку, над которой поднимался пар от горячего черного чая.

Это было именно то, что мне сейчас требовалось. Жесткая, хирургическая фиксация реальности. Острый, неприкрытый страх Инги в сквере помог мне встать с мокрой скамейки, но теперь мне нужен был человек с абсолютно холодным, безжалостным рассудком.

Я вытерла озябшие пальцы шершавой салфеткой. Потянулась к своей повседневной кожаной сумке, которую всю дорогу прятала от дождя под полами плаща. Достала паспорт и ту самую визитку на матовом картоне. Края визитки слегка размокли и пошли волнами от сырости в моем кармане.

- Мой муж ушел к другой женщине, - сказала я, удивляясь тому, каким скрипучим и чужим казался мой собственный голос в этой респектабельной тишине. - Мой сын просит меня не поднимать шум и перетерпеть. А я хочу знать, с чем я остаюсь после сорока лет безупречного брака.

Зинаида Аркадьевна коротко кивнула. Она взяла мой паспорт, привычным жестом открыла крышку тонкого серебристого ноутбука и поправила очки в роговой оправе.

- Откройте ваше банковское приложение на телефоне, Клавдия Ивановна. И если у вас установлено приложение Госуслуг, оно тоже понадобится. Будем смотреть на цифры. Эмоции к делу не пришьешь, они в суде ничего не весят.

Следующий час превратился для меня в методичное, бескровное препарирование моей собственной жизни. Адво-

кат быстро, профессионально стучала короткими ногтями по клавиатуре, сверяла данные баз с экрана ноутбука с выписками на моем светящемся смартфоне. Ее лицо оставалось непроницаемым, как у патологоанатома на рутинном вскрытии, но с каждой новой открытой вкладкой воздух в кабинете словно становился все плотнее, выдавливая из легких кислород.

Леонид всегда был педантом. Человеком, который педантично раскладывает инструменты строго по размеру и прячет каждый сантиметр провода под идеальный слой штукатурки. Я наивно думала, что его уход с кожаным чемоданом два дня назад был порывом. Возрастным надломом. Внезапной вспышкой страсти к молодой хозяйке интерьерного салона, которую он просто не смог проконтролировать.

Какая непростительная, удобная глупость.

- Ваш муж готовился к разводу как минимум последние полгода, - Зинаида Аркадьевна развернула ко мне монитор ноутбука. На ярком экране пестрели колонки цифр и строгие банковские графики. - Смотрите сюда. Ваши общие накопительные счета практически пусты.

Я прищурилась, глядя на экран. Действительно. Регулярные, крупные переводы и систематическое снятие наличных в банкоматах.

- Он говорил, что это на закупку сложных систем для умного дома и дорогие комплектующие для работы, - пробормотала я, чувствуя, как внутри разливается липкий, тошно-

творный холод. - Он часто покупал электронику за наличные на строительных рынках.

- Классика жанра, - сухо отозвалась адвокат, делая пометку в своем блокноте. - Деньги выводились под благовидным предлогом и оседали на его личных, закрытых счетах. Карту для текущих покупок он вам оставил, чтобы не вызывать подозрений, но основной капитал уже недосыгаем. Но это еще не все. Месяцев пять назад вы подписывали какие-то банковские документы у нотариуса? Согласие супруги? Вспомните.

Память услужливо подкинула четкую, цветную картинку. Конец осени. За окном идет первый мокрый снег. Леня приходит домой раньше обычного, приносит пахнущие свежим принтером листы, пьет чай и между делом говорит, что берет кредит на развитие своего ИП. Говорит, что намечается очень крупный, прибыльный проект, нужно срочно обновить лазерное оборудование, иначе заказ уйдет конкурентам. Я подписала бумаги у знакомого нотариуса, даже не вчитываясь в мелкий шрифт. Я же была его надежным тылом. Я ему абсолютно доверяла.

- Вы дали нотариальное согласие на залог вашей общей квартиры под этот кредит, - Зинаида Аркадьевна сложила руки в замок, опираясь локтями о стол. - Юридически ваша высокотехнологичная недвижимость куплена в браке и подлежит равному разделу. Но фактически на ней сейчас висит огромное долговое обязательство, которое полностью кон-

тролирует ваш муж. Он искусственно создал условия, при которых делить имущество вам будет максимально невыгодно и страшно.

В груди не было слез. Я испытывала не жадность к исчезнувшим деньгам, нет. Меня накрыло обжигающее, стерильное унижение. Леня не просто променял меня на молодую Ванессу. Он хладнокровно, выверенно, как старый сломанный механизм, разобрал нашу семью на запчасти. Он вытащил всю ценную медную проводку, а мне оставил пустой, красивый пластиковый корпус с долгами. И он делал это каждый день, возвращаясь по вечерам домой, пока я подавала ему ужин и педантично выглаживала его воротнички.

- И есть еще одна занятная деталь, - голос адвоката стал чуть тише. Она взяла мой телефон и указала кончиком ручки на строку в банковской выписке. - Вот эти регулярные переводы вашему сыну. Обратите внимание на назначение платежа. "Погашение по договору займа".

Я уставилась на имя своего ребенка на светящемся экране. Буквы вдруг начали расплываться.

Договор займа. Леня переводил Володе деньги не просто как отцовскую помощь с тяжелой ипотекой. Он оформлял это юридически, чтобы вывести средства из нашего общего бюджета в безопасную, серую зону. И Вова об этом прекрасно знал. Или, как минимум, охотно подписывал нужные отцу бумажки в обмен на стабильные финансовые вливания в свой бюджет.

Перед глазами снова возникла утренняя кухня. Челюсти моего тридцатипятилетнего сына, мерно пережевывающие мой творожный сырник. Его отводящие взгляд глаза и раздраженный голос: "Мне с отцом ссориться нельзя, он нам про водку делает".

Он защищал не нашу семью. Он защищал своего спонсора. Свою долю в этой грандиозной, тихой краже моей жизни. Этот удар был страшнее, чем измена мужа. Он бил не по женской гордости, а прямо по материнскому инстинкту, выжигая его дотла.

- Мы будем с этим работать, - голос Зинаиды Аркадьевны вернул меня в реальность. Она придвинула ко мне распечатанный на плотной бумаге договор на оказание юридических услуг. - Это сложные схемы, но они типовые. Ваш муж умный инженер, но слишком самонадеянный юрист. Я найду эти деньги, Клавдия Ивановна. И докажу фиктивность этих займов. Но мне нужно ваше согласие на то, что мы будем действовать жестко. Без шагов назад. Вы готовы?

Я взяла тяжелую перьевую ручку. Подушечки пальцев все еще оставались ледяными после улицы, но рука больше не дрожала. Металлический шарик с мягким, уверенным шорохом заскользил по плотной бумаге. Моя роспись легла в нужную графу идеально ровно.

- Я готова, - сухо ответила я.

Когда я вышла из конторы, весенняя морось уже закончилась. Небо над городом оставалось серым, но сквозь тучи на-

чали пробиваться бледные, холодные лучи. Я села в полупустой городской автобус. Прислонилась горячим лбом к дребезжащему стеклу и смотрела на проплывающие мимо старые здания, мокрые деревья и спешащих людей.

Я возвращалась домой совершенно другим человеком. Паутина удобных иллюзий, в которую я добровольно заматывала себя сорок лет, окончательно порвалась.

Дорога до моего спального района заняла около часа. Я поднялась на свой этаж, подошла к массивной металлической двери. Замок привычно, тонко пискнул, считывая отпечаток моего пальца. Система автоматически, с подчеркнутой вежливостью включила теплый свет в прихожей.

Я переступила порог. Стянула с ног влажные лоферы, сняла измятый плащ.

Сделала шаг в коридор и огляделась. Если вчера утром эта квартира казалась мне мертвым мавзолеем, брошенным своим хозяином, то сейчас моя оптика изменилась кардинально. Я смотрела на дорогую фактурную штукатурку, на идеальный паркет оттенка мореного дуба, на сложные системы скрытого освещения.

Я вдруг четко, до звона в ушах осознала, что это не храм Леонида. Это подробная инвентаризационная ведомость моей собственной жизни.

Каждая ровная доска на этом полу была оплачена моими несчастлившимися поездками к морю. Каждая умная розетка стоила мне новых зимних сапог. Этот идеальный искус-

ственный камень на кухне был куплен за счет моего отказа от должности заведующей архивом. Я вложила в эти квадратные метры всю себя: свою безотказную заботу, свое время, свою молодость.

Леня хотел оставить меня здесь, обложенную его хитроумными долгами, словно выброшенную вещь в красивой коробке. Но он крупно просчитался. Я не собиралась отдавать ему свою территорию без боя.

Я прошла на кухню. Положила тонкую пластиковую папку с копией договора от Зинаиды Аркадьевны на гладкую, холодную поверхность столешницы.

Звук шлепнувшегося пластика показался неестественно громким в стерильной тишине.

И в ту же самую секунду над моей головой раздался противный, сухой электрический треск.

Сложная диодная лампа умного освещения, встроенная в навесной шкаф - предмет особой инженерной гордости Лени - вдруг замигала. Свет стал дерганным, болезненным. Система управления, лишённая хозяйской руки, начала давать сбой. Лампа вспыхнула неестественно ярким, режущим глаза белым светом, затрещала еще громче, а затем с коротким, глухим хлопком погасла окончательно.

Половина кухни мгновенно погрузилась в густую, плотную тень. Квартира словно почувствовала, что я перестала быть в ней удобным, покорным приложением, и ответила мне первым слепым сопротивлением.

Я стояла в полумраке, глядя на погасший светильник, и вдыхала едкий запах горелой пластмассы. Теперь мне предстояло научиться возвращать свет в этот дом своими собственными руками.

Глава 8. Бунт вещей

Идеальные механизмы Леонида Вострикова продержались без своего создателя ровно двое суток.

Я стояла посреди полутемной кухни и вдыхала едкий, химический запах горелой пластмассы. Только что под навесным шкафчиком с сухим, противным треском лопнула хваленая диодная лампа. Половина рабочей зоны, выложенная белоснежным искусственным камнем, погрузилась в густую, плотную тень. На границе света и мрака лежала тонкая пластиковая папка с копией договора от Зинаиды Аркадьевны. Мой первый официальный шаг к свободе.

Квартира словно почувствовала, что я перестала быть в ней покорным, удобным приложением. Она начала сопротивляться, выживая меня с моей же территории.

Тонкий хлопок домашнего костюма, в котором я ходила под дождем, успел немного подсохнуть, но тело все еще была мелкая, противная дрожь. Холод засел где-то глубоко в костях. После унижительного разговора с Володей и ледяного, хирургического препарирования моей жизни в кабинете адвоката мне отчаянно, физически требовалось простое человеческое тепло.

Я отвернулась от погасшей лампы и подошла к чайнику. Это был невероятно дорогой, сложный прибор с прозрачной стеклянной колбой и сенсорной базой. Леня мог запустить

его со своего смартфона, еще только подъезжая к дому.

Я коснулась холодного стекла. Подушечки пальцев привычно легли на гладкую сенсорную панель, чтобы включить нагрев. Ничего не произошло.

Я нажала сильнее.

Вместо привычного мягкого голубого свечения и тихого шума закипающей воды на подставке истерично замигал крошечный красный диод. Ошибка связи. Видимо, короткое замыкание в диодной ленте выбило умную розетку, или же сам чайник потерял сигнал от общего шлюза, который Леня забрал с собой в свой идеальный мир. Система, казавшаяся нерушимой монолитной стеной, на деле оказалась хрупкой паутиной, которая рассыпалась от легкого сквозняка.

Я смотрела на мигающий красный глаз прибора, и внутри меня медленно поднималась сухая, колючая злость.

Я не собиралась звонить бывшему мужу с просьбами о помощи. И уж тем более не собиралась покорно сидеть без горячего чая в собственной кухне только потому, что кусок пластика отказался меня слушаться.

Я обхватила пальцами толстую вилку чайника и с силой, зло выдернула ее из умной розетки. Красный диод погас.

- Вот так, - произнесла я вслух. Мой голос в пустой квартире прозвучал хрипло, но твердо. - Нет чая, значит, будет работа.

Я развернулась и пошла по коридору к кладовке.

Когда Леня собирал свой кожаный чемодан, он забрал с

собой не только безупречные кашемировые пуловеры. Он увез свой дорогой жесткий кофр с профессиональным итальянским инструментом. Те самые отвертки с прорезиненными ручками, которые я сама покупала ему в подарок на юбилей, экономя на собственных нуждах.

Но я точно знала, что у нас осталось кое-что еще.

В кладовке пахло нафталином, старой зимней обувью и сухой лавандой. Я включила обычный, глупый верхний свет, который загорался простым щелчком пластикового выключателя на стене. Присела на корточки, отодвинула в сторону тяжелую коробку со старыми журналами.

Там, в самом дальнем пыльном углу, стоял старый советский металлический ящик зеленого цвета. Леня давно списал его со счетов, презрительно называя металлоломом, но выбросить почему-то забыл.

Я потянула ящик на себя. Он поддался с тяжелым, глухим скрежетом. Откинула ржавую защелку. Внутри, вперемешку с погнутыми гвоздями и мотками изоленды, лежали старые инструменты. Я порылась в этом хаосе, пачкающем пальцы машинным маслом, и достала тяжелые, надежные пассатижи с потертыми красными ручками. Металл охлаждал ладонь.

Я работала реставратором в архиве много лет. Мои руки умели справляться не только с хрупкой рассадой фиалок, но и с тугими переплетами, засохшим клеем и жестким картоном. Я совершенно точно не была беспомощной идиоткой, не способной заменить кусок пластика под потолком.

Я вытащила из кладовки легкую алюминиевую стремянку. Разложила ее на кухне, прямо под сгоревшей лампой. Ножки с тихим стуком уперлись в дубовый паркет.

Я крепко сжала пассатижи в правой руке и начала подниматься.

Чем выше я поднималась, тем плотнее становился запах гари. Под самым потолком было душно. Я прищурилась, осматривая повреждения. Длинный матовый плафон, закрывающий диодную ленту, в одном месте пошел уродливыми желтыми пятнами.

Я поднесла пассатижи к краю плафона и попыталась его подцепить.

Проблема заключалась не в моей женской слабости. Проблема была в чистой физике. Из-за короткого замыкания дешевый пластиковый крепеж внутри дорогого алюминиевого профиля расплавился и намертво прикипел к металлу. Плавленый пластик превратился в монолитный клей.

Я закусила губу, чувствуя, как на лбу выступает холодная испарина. Перехватила инструмент поудобнее. Раскрыла тяжелые металлические губки пассатижей и с силой вгрызлась в гладкий край плафона.

Мне нужно было просто сделать один резкий, сильный рывок вниз, чтобы сорвать этот прикипевший кусок.

Я набрала в грудь побольше воздуха, напрягла мышцы предплечья и дернула.

Гладкий, оплавленный пластик не поддался. Металличе-

ские зубья пассатижей с противным, визгливым скрежетом соскользнули с поверхности. От внезапно исчезнувшего сопротивления моя рука с тяжелым инструментом дернулась вниз. В ту же секунду пересохший, испорченный температурой кусок плафона лопнул с резким звуком, похожим на выстрел из пневматики.

Острый, как опасная бритва, край отколовшегося пластика скользнул прямо по моей руке.

Я даже не сразу поняла, что произошло. Сначала было только удивление от того, как легко пассатижи вырвались из моих пальцев. Тяжелый инструмент полетел вниз и с глухим, страшным грохотом рухнул на идеальный дубовый паркет, оставив на нем глубокую вмятину.

А потом пришла боль.

Она не была тупой или ноющей. Это была ослепительная, пульсирующая, кипящая боль, которая мгновенно пронзила подушечку и фалангу указательного пальца правой руки.

Я резко вдохнула, втянув в легкие воздух с привкусом гари. Посмотрела на свою кисть.

Кожа на пальце была распорота глубоко, ровно, словно скальпелем. Секунду рана оставалась белой и сухой, а затем из нее густо, толчками хлынула темная, горячая кровь.

- Господи... - прошипела я сквозь стиснутые зубы.

Я инстинктивно прижала раненую руку к груди, пачкая светлый хлопок домашнего костюма, и начала торопливо, неуклюже спускаться со стремянки. Колени внезапно стали

ватными, подошвы скользили по алюминиевым ступеням.

Оказавшись на полу, я бросилась к раковине. Каждый шаг отдавался глухим стуком в висках. Боль в пальце пульсировала в такт ударам сердца.

Я протянула руку над столешницей из искусственного камня, пытаюсь дотянуться до хромированного рычага смесителя.

Тяжелые, густые капли крови сорвались с моих пальцев и упали на безупречную, белоснежную поверхность. Шлеп. Шлеп.

Я замерла, не донеся руку до крана.

Мой взгляд приковало это зрелище. На идеальном, мертвом фасаде ленинского дизайна расплывались яркие, живые, кричащие алые пятна. Они казались здесь чем-то абсолютно невозможным, грязным, нарушающим стерильную гармонию этого высокотехнологичного склепа.

Леонид выстраивал эту квартиру так, чтобы в ней не было места ничему человеческому. Ни непредсказуемым эмоциям, ни болезням, ни случайностям. Он создал систему, которая должна была работать без сбоев. А когда сбой дала я - начав стареть, начав требовать к себе внимания, перестав быть идеальной и бесшумной функцией - он просто собрал чемодан и ушел.

И сейчас его квартира продолжала его дело. Она ранила меня физически, точно так же, как он ранил меня морально. Она сопротивлялась мне, доказывая мою беспомощность.

Боль в разрезанном пальце стала невыносимой, обжигающей. Кровь продолжала капать, стекая по запястью под рукав костюма, оставляя липкий, теплый след на коже.

Я судорожно выдохнула и потянулась левой, здоровой рукой к рулону бумажных полотенец, закрепленному на хромированном держателе. Пальцы дрожали. Я попыталась оторвать кусок, но рулон просто прокрутился на оси. Я дернула сильнее. Держатель жалобно скрипнул, часть бумаги скомкалась, а мои перепачканные кровью пальцы оставили на белой бумаге длинный, уродливый красный мазок.

Я не смогла оторвать даже кусок чертовой бумаги.

Этот крошечный, банальный бытовой провал стал последней каплей. Тем самым триггером, который сорвал туго закрученную резьбу моего самоконтроля.

Двое суток я держала лицо. Я не плакала, когда увидела уведомления от Ванессы. Я не кричала, когда Леня складывал свои пуловеры. Я молча проглотила предательство Володи, пережевывающего мой сырник. Я с прямой спиной сидела час в кабинете адвоката, узнавая, как методично муж обворовывал меня последние полгода. Я была сильной, мудрой, рациональной Клавой, которая умеет справляться с любыми ударами судьбы.

Но сейчас, стоя перед перепачканным кровью держателем для полотенец, в пропахшей гарью полутемной кухне, с пульсирующей от боли рукой, я вдруг поняла, что больше не могу.

Силы закончились. Выключились, как этот проклятый сломанный чайник.

Мои колени подогнулись. Медленно, не в силах больше удерживать собственный вес, я сползла спиной по гладкому, идеальному фасаду нижних ящиков.

Холодный паркет принял меня. Я оказалась на полу, в густой тени под столешницей.

Я подтянула колени к груди. Здоровой рукой крепко зажала кровоточащий палец, пытаюсь остановить кровь. Из рта вырвался первый, сухой, рваный всхлип. Он прозвучал жалко и неестественно громко в тишине опустевшего дома.

Я зажмурилась, но это не помогло.

Плотина рухнула. Слезы хлынули из глаз горячим, неудержимым потоком.

Это не были красивые, кинематографичные женские слезы, которые элегантно стирают кончиком кружевного платка. Я плакала уродливо, по-настоящему. Громко задышавшись, раскачиваясь из стороны в сторону на холодном полу, размазывая по лицу слезы вперемешку с пылью.

Я плакала по своей ушедшей, растроченной впустую молодости. По отложенным на потом поездкам, которые уже никогда не случатся. По некупленным зимним сапогам. По сыну, который продал меня за дачные розетки. По мужу, который вытащил из меня все тепло, оставив пустой пластиковый корпус с долгами. По этой чертовой квартире, которая теперь принадлежала не мне, а банку.

И больше всего я плакала от тотального, оглушительного одиночества.

Впервые за шестьдесят пять лет мне было абсолютно некому позвонить. Некого попросить о помощи. Некому просто сказать, что мне больно и страшно. Я выстроила вокруг себя мир, состоящий из обслуживания чужого комфорта, и когда объект обслуживания исчез, я оказалась в звенящем вакууме.

Над моей головой мигал красный диод мертвого чайника. На столешнице стыла моя кровь.

Я сидела на полу, прижимаясь мокрой щекой к коленям, и плакала до тех пор, пока в груди не осталась только гулкая, выгоревшая пустота. Тьма на кухне сгущалась, принимая меня в свои холодные, равнодушные объятия. И никто, ни один человек в этом большом городе не знал, что прямо сейчас я рассыпаюсь на куски.

Глава 9. Осколки прошлого

В женских слезах нет абсолютно никакой исцеляющей магии. Это очередная красивая, удобная иллюзия, придуманная для утешения теми, кто никогда по-настоящему не терял почву под ногами. Слезы не вымывают из памяти предательство, не возвращают обратно собранные в прихожей кожаные чемоданы и уж тем более не способны починить перегоревшие от замыкания провода. Это просто соленая вода. В какой-то момент она иссыкает, оставляя после себя лишь глухое физическое истощение, тяжелую чугунную голову и стянутую, сухую кожу на щеках.

Я сидела на полу своей полутемной кухни, привалившись спиной к гладкому фасаду нижних ящиков. В воздухе все еще густо висел кислый, едкий запах горелой пластмассы - посмертный след умного светильника, который мой муж когда-то устанавливал с такой педантичной гордостью. Тишина в квартире была плотной, давящей на барабанные перепонки.

Острая, ритмично пульсирующая боль в глубоко порезанном указательном пальце сработала сейчас лучше любого аптечного нашатырного спирта. Она выдернула меня из вязкого, липкого болота жалости к себе, заставив сфокусироваться на простых физических ощущениях. Я открыла глаза. Высоко надо мной, на белой, безупречной столешнице из ис-

кусственного камня темнели капли моей собственной крови. Я медленно оперлась левой, здоровой рукой о прохладный паркет и начала подниматься. Колени отозвались сухим, неприятным хрустом. В шестьдесят пять лет сидеть скорчившись на жестком полу вредно и глупо, даже если твоя сорокалетняя семейная жизнь только что разлетелась в пыль. Мой хлопковый домашний костюм, в котором я сегодня утром мокла под весенним дождем на уличной скамейке, выслушивая страшные признания невестки Инги, давно высох. Но теперь на светлой ткани рукава красовался уродливый, въевшийся бурый мазок.

Я подошла к раковине. Осторожно, стараясь не пачкать хромированный металл, открыла кран левой рукой. Обычная прохладная вода показалась мне настоящим спасением. Я подставила раненую кисть под струю. Кровь, смешиваясь с водой, розовыми разводами закрутилась вокруг сливного отверстия.

Аптечка хранилась в верхнем ящике кухонного гарнитура - идеальный пластиковый органайзер, купленный Леной. Все таблетки и флаконы лежали там строго по алфавиту. Я достала пластиковый бутылек с перекисью водорода и тугой рулон стерильного бинта.

Прозрачная жидкость полилась на глубокий порез. Перекись тут же яростно зашипела, вспениваясь белыми, плотными пузырьками. Резкое, обжигающее жжение прострелило палец до самого сустава. Я невольно втянула воздух сквозь

стиснутые зубы, но руку не одернула. Эта грубая, рутинная забота о собственном теле вдруг показалась мне невероятно важной. Мой муж выставил меня за дверь своей новой жизни, мой единственный сын цинично предложил мне потерпеть унижение ради бесплатных розеток на даче, но я все еще оставалась у себя. Я умела останавливать кровь.

Я неуклюже, помогая себе зубами, туго забинтовала фалангу. Белая марля быстро пропиталась розовым, но кровотечение наконец-то прекратилось.

Я огляделась по сторонам. Просторная кухня, погруженная в полумрак из-за сломанной лампы, длинный коридор, угадывающиеся в темноте контуры нашей спальни - все это пространство теперь казалось мне абсолютно враждебной территорией. Высокотехнологичной резервацией, отравленной присутствием Леонида. Каждая розетка, каждый плинтус, каждый скрытый датчик движения кричали о моей беспомощности. Квартира, купленная в браке, но хитроумно заложенная мужем под его собственные кредиты, медленно выживала меня.

Мне отчаянно требовалось безопасное место. Крошечное убежище.

Я снова пошла по коридору к узкой двери старой кладовки. Полчаса назад, в приступе паники, я уже забежала туда, чтобы вытащить из зеленого советского ящика ржавые пассатижи. Но тогда я искала инструмент для борьбы с домом. Теперь же я искала тишину. Это были единственные

два квадратных метра в квартире, до которых не дотянулись «умные» руки моего мужа.

Я нажала на старый, тугой выключатель. Никаких сенсоров. Никакого плавного диодного розжига. Никакого приложения на смартфоне. Под самым потолком с громким щелчком вспыхнула глупая, дешевая лампа накаливания. Желтый, почти медовый аналоговый свет залил крошечное помещение, мгновенно очертив границы моего персонального безопасного мира.

Здесь не пахло озоном и жженой изоляцией. Здесь стоял густой аромат сухой крымской лаванды, которую я годами раскладывала по полкам от моли, запах старого картона и терпкого обувного гуталина.

Я опустилась на колени, подстелив под себя старый шерстяной плед. Полки уходили под самый потолок, плотно заставленные вещами, которые Леня снисходительно называл "пыльным балластом".

Мне нужно было добраться до самого дальнего угла нижней полки.

Я начала методично отодвигать мешающие предметы. Под руки попался большой пластиковый контейнер с зимними вещами мужа - те самые свитера и плотные лыжные брюки, которые не прошли жесткий кастинг и не удостоились чести лечь в его коньячный чемодан. Я без всяких эмоций сдвинула их в сторону.

Затем вытащила три картонные коробки с новогодними

игрушками. Вспомнила, как педантично, обернув каждый стеклянный шар в тонкую папиросную бумагу, укладывала их туда каждую зиму. Леня терпеть не мог, когда на елке царил хаос. Ему нужен был строгий дизайн: только серебряные и синие шары, одинаковое расстояние между ветками, ровные линии гирлянд. Я годами поддерживала этот глянцевый праздник, подавляя в себе желание повесить на ветку нелепого ватного снеговика из своего детства. Коробки с игрушками с глухим стуком отправились к свитерам. Символы моего безропотного служения чужому комфорту расчищали путь к моей собственной истории.

Наконец, в самой глубине, за банками с засахарившимся домашним вареньем, мои пальцы нащупали плотный, шершавый картон.

Я потянула на себя три тяжелые, перевязанные грубой ворсистой бечевкой коробки. Пыль, потревоженная моим движением, поднялась в желтом свете лампы ленивым роем.

Устроившись на пледе удобнее, я положила руки на крышку верхней коробки. Забинтованный палец слегка запыл, но эта боль отрезвляла. Я проработала архивариусом-реставратором в городской библиотеке много лет. Я знала цену старым вещам. Но эти коробки я упаковала собственными руками почти десять лет назад.

Память подкинула мне картинку из прошлого без всякого надрыва, в холодных документальных тонах. Обычный осенний вечер. Я сижу за кухонным столом и кропотливо

склеиваю разбитую старинную тарелку. Искусство Кинцуги - японская техника реставрации - было моей главной отдушиной. В закипающей воде на плите томится диетический паровой рулет для Лени, у которого в очередной раз обострилась язва. Муж заходит на кухню, морщит свой правильный нос и говорит: "Клава, дышать же нечем. У тебя эти смолы и лаки воняют на всю квартиру химией. И рубашки мои сохнут в коридоре, они же провоняют".

Он не кричал. Не топал ногами и не ставил жестких ультиматумов. В нашей семье вообще не было итальянских страстей. Он просто обозначил свой дискомфорт. И я, как мудрая, правильная жена, которой сама себя назначила, в тот же вечер послушно собрала свои лаки, кисти и коллекцию битой антикварной посуды. Я думала: перетерплю, дождусь лета, буду заниматься этим на даче. Потом на даче начался ремонт, потребовавший моего присутствия у плиты для рабочих. Потом Леня взял крупный проект, и ему нужна была абсолютная тишина по вечерам. Потом Володя решал проблемы с ипотекой.

Я просто задвинула себя в самый темный угол. Я сама завязала эти грубые бечевки на своей жизни, потому что быть удобной, бесшумной тенью казалось мне единственно верным способом сохранить фундамент нашей семьи.

Какая пугающая, непростительная глупость.

Я потянула за конец бечевки. Узел, затянутый десять лет назад, поддался на удивление легко. Жесткая нить соскольз-

нула на пол. Я сняла картонную крышку.

Из коробки пахло сухой газетной бумагой и тонким, едва уловимым ароматом старого фарфора. Внутри, аккуратно переложенные пожелтевшими листами и слоями аптечной ваты, лежали осколки. Керамические фрагменты, которые я скупала за копейки на городских блошиных рынках в надежде когда-нибудь подарить им вторую жизнь.

Я запустила здоровую руку в бумажные недра. Пальцы наткнулись на что-то гладкое и холодное. Я осторожно извлекла на свет старинную фарфоровую пиалу эпохи модерна. Она была расколота ровно надвое.

Я положила половинки на колени. Издав сухой, глухой стук, они коснулись друг друга. Тонкая паутинка выцветшего кобальтового узора обрывалась на самом краю разлома. Я провела подушечкой большого пальца по линии скола. Гладкая, глянцевая прохлада глазури резко сменялась шершавым, острым, безжалостным краем обожженной глины.

Глядя на эти осколки в неровном свете кладовки, я вдруг ощутила почти физический толчок в грудь.

Мой мозг, привыкший годами препарировать чужие тексты и ветхие документы, наложил эту картинку на мою собственную судьбу. Я смотрела на расколотую пиалу и с кристальной ясностью понимала: я и есть эта самая разбитая чашка.

Леонид выстроил вокруг себя идеальный мир. И когда я, его безотказная жена, в силу возраста и банальной человече-

ской усталости начала давать невидимые трещины - когда я перестала быть звонкой, когда мои глаза потускнели, а руки погрубели от торфа и бесконечной глажки - он просто взял и выбросил меня. Он аккуратно упаковал меня в эту технологичную квартиру с долгами, оставил пачку денег на стеклянной тумбочке в качестве выходного пособия и пошел покупать себе новую, неповрежденную посуду в лице Ванессы.

Мой сын Володя тоже смотрел на меня исключительно как на функциональный предмет. Когда предмет перестал бесперебойно выдавать заботу и посмел заявить о своей боли, Володя разозлился. Он потребовал, чтобы я немедленно склеилась обратно, замолчала и продолжила обеспечивать ему комфорт. Ни одному из этих мужчин не была нужна Клавдия. Им была нужна целая, исправная, удобная функция.

Я сжала фарфоровые половинки в руках так крепко, что острые края больно впились в ладони.

Но я больше не была функцией. Я была живой женщиной, которая сегодня утром швырнула в мусоропровод кусок дорогого сыра, а час назад своей собственной кровью доказала, что не вписываюсь в хирургическую стерильность этой квартиры.

Суть искусства Кинцуги заключается в абсолютном, безоговорочном принятии недостатков. Испорченная вещь не выбрасывается на помойку. Ее раны не пытаются трусливо замаскировать прозрачным клеем, чтобы сделать вид, будто ничего не произошло. Трещины скрепляют специальным ла-

ком, смешанным с пудрой из настоящего золота. Мастер подчеркивает разлом, делая шрамы главным украшением предмета. Разбитая чашка становится в сотни раз ценнее, уникальнее и прекраснее именно потому, что у нее есть история. У нее есть задокументированный опыт боли и возрождения.

Я отложила пиалу на плед и торопливо потянулась к меньшей обувной коробке. В ней хранились мои рабочие материалы.

Открыв крышку, я достала стеклянную баночку со специальным японским лаком уруси. Попыталась открутить металлическую крышку. Пальцы скользнули. Я обхватила крышку краем домашней футболки и с силой провернула. Ничего. За десять лет моего добровольного заточения лак намертво присох к резьбе, превратившись в камень. Старые колонковые кисти, лежащие рядом, стали жесткими, как проволока. Крошечные пробирки с золотой пудрой помутнели от сырости.

Старые материалы больше не годились для работы. Точно так же, как старые, заученные методы покорности и жертвенности больше не годились для моей новой жизни. Я не могла склеить себя тусклыми остатками прошлого, пропитанными ожиданием Лени с работы. Мне нужны были совершенно новые инструменты.

Я бережно соединила две половинки фарфоровой пиалы. Они идеально, без зазоров состыковались друг с другом, образуя целую форму. Я чувствовала приятную тяжесть это-

го предмета в своих руках. Внутри меня больше не было ни паники, ни желания звонить адвокату посреди ночи, ни потребности в громких клятвах о грядущей мести.

Там, где еще несколько часов назад была зияющая пустота и удушливый страх одиночества, теперь пульсировало холодное, профессиональное спокойствие мастера, оценивающего масштаб предстоящей работы. Мой семейный фундамент рухнул, но мои руки все еще были при мне. И они помнили свое ремесло.

Я аккуратно уложила пиалу обратно в бумагу. Закрыла коробки, но не стала перевязывать их бечевкой. Они понадобятся мне очень скоро.

Поднявшись с колен, я отряхнула пыль с брюк. Вышла из кладовки в темный коридор и нажала на тугий выключатель. Желтый свет погас, но тьма больше меня не пугала.

Завтра рано утром я не буду проверять телефон в ожидании сообщений от сына. Я не стану прислушиваться к звукам электронного замка, надеясь, что муж вернулся. Завтра утром я поеду в исторический центр города, в антикварную лавку к старому знакомому. Я куплю свежий, тягучий лак уруси, новые мягкие кисти и настоящую золотую пудру мелкого помола.

Мне предстояло проделать огромную работу. Сначала мне нужно было вылечить эту старую фарфоровую пиалу. А потом, шаг за шагом, заливая трещины чистым золотом, собрать из осколков саму себя.

Глава 10. Лавка древностей

Пневматические двери автобуса с шумным выдохом разъехались в стороны. Я ступила на неровную, выщербленную брусчатку исторического центра. Влага от вчерашнего дождя еще пряталась в глубоких швах между камнями.

Здесь город дышал совершенно иначе. Воздух не был пропущен через многоуровневые системы очистки, как в моем спальном районе новостроек. Он пах терпко и густо: прелой прошлогодней листвой, которую дворники сметали в кучи у чугунных оград, влажной кирпичной крошкой от старых фасадов и сладковатым, теплым духом свежих дрожжей из уловой пекарни. Это был живой, нестерильный запах настоящего времени.

Я сунула руки в глубокие карманы своего бежевого плаща. Ткань стала чуть жесткой и помятой после того, как я вчера насквозь промокла в ней на уличной скамейке, но мне было абсолютно все равно. Указательный палец на правой руке, туго замотанный белым аптечным бинтом, дергало ритмичной, тупой болью. Каждый удар сердца отдавался пульсацией под марлей. И эта простая, понятная физическая боль сейчас парадоксальным образом помогала мне не сойти с ума. Она работала как якорь, не давая мыслям снова сорваться в липкое, темное болото утренних воспоминаний об идеальном кожаном чемодане Лени и жующем сырник сыне.

До нужного адреса было минут десять пешком. Я шла мимо старых доходных домов, глядя на их облупившуюся лепнину. Раньше, гуляя здесь с мужем, я всегда смотрела на эти здания его глазами: Леня возмущался устаревшими коммуникациями, торчащими проводами и кривыми стенами. Ему везде виделся хаос, требующий немедленного хирургического вмешательства перфоратором. Сегодня я смотрела на эти дома и видела в них просто жизнь. Со всеми ее трещинами и шероховатостями.

Антикварная лавка "Эхо" пряталась в цокольном этаже здания с почерневшими от времени атлантами. Тяжелая дубовая дверь с облупившейся зеленой краской поддалась не сразу. Мне пришлось навалиться на нее плечом.

Над головой резко, с переливами ударил настоящий медный колокольчик. Его звон был глубоким, с долгим послевкусием - абсолютная противоположность вежливому, мертвому пisku электронных замков в моей квартире.

Внутри стоял полумрак. Косые, пыльные лучи утреннего солнца с трудом пробивались сквозь узкие окна под потолком, выхватывая из темноты нагромождения чужих эпох. Здесь пахло так, как пахнет остановленное, но бережно хранимое время. Густой аромат пчелиного воска смешивался с резкой нотой скипидара, сухой книжной пылью и терпким духом крепко заваренного черного чая.

За массивным прилавком, больше похожим на старинное бюро, сидел Варлам Скороходов.

Варлам был из той породы людей, чей возраст определить невозможно. Сухопарый, с седыми волосами, стянутыми в тугой хвост на затылке, в потертом кожаном жилете поверх фланелевой рубашки. На носу сидели маленькие круглые очки в роговой оправе, прикрепленные к шее потемневшей серебряной цепочкой. Он знал меня еще с тех далеких времен, когда я работала реставратором в городском библиотечном архиве, а он приходил туда оценивать редкие фолианты.

Сейчас он методично, с нажимом полировал куском жесткой фланели старинный латунный подстаканник. Металл тихо поскрипывал под его пальцами.

- Кого я вижу, - произнес Варлам не поднимая головы. Голос у него был скрипучий, как несмазанная дверная петля. - Сама идеальная жена инженера Вострикова спустилась в наше пыльное подzemелье. Что, Ольгина, у вас там на двадцать пятом этаже отключили вакуум?

Он называл меня по девичьей фамилии. Всегда. Леню он откровенно недолюбливал за его технократический снобизм, а меня - за то, что я добровольно зарыла свой талант в землю ради чужих кастрюль.

Я молча подошла к прилавку. Вытащила руки из карманов плаща, положив их на прохладное, исцарапанное дерево. Варлам наконец поднял взгляд. Его прозрачные, выцветшие глаза цвета старого стекла прошлись по моему бледному лицу, задержались на воспаленных веках и безошибочно зацепились за толстый слой белого бинта на пальце.

Полировка подстаканника прекратилась. Варлам молча отложил фланель. Он не стал охать, не стал расспрашивать, где я так порезалась, и уж тем более не предложил мне накапать валерьянки.

Он просто повернулся к маленькому электрическому чайнику в углу бюро, плеснул кипятка в пузатый заварочный чайник и через пару минут придвинул ко мне разномастную, тяжелую фаянсовую чашку с отбитым краем.

- Пей, - коротко бросил он.

Я обхватила чашку обеими руками. Тепло пошло по озябшим ладоням. Чай был обжигающим, черным, почти дегтярным, с сильной горечью бергамота. Эта вязкая горечь показала мне самым вкусным из того, что я пробовала за последние пустые дни.

- Леня ушел, - сказала я сухим, ровным голосом. Я смотрела прямо в чашку, на темную гладь чая, не пытаясь искать сочувствия в его глазах. - Собрал чемодан и переехал к женщине, которой чуть за сорок. Сказал, что задыхается рядом со мной. Устал от идеального покоя.

Варлам не перебил. Только тихо звякнул чайной ложечкой о блюдце.

- А вчера утром я ездила к Володе, - продолжила я, и голос предательски дрогнул, но я тут же взяла его под контроль. - Думала, сын поможет. Обопрет, так сказать, старую мать в трудный час. А Володя попросил меня не нагнетать и потерпеть. Ему с отцом ссориться невыгодно, отец ему проводку

на даче бесплатно делает и ипотеку гасить помогает. Такие дела, Варлам.

Я сделала еще один медленный глоток. Я ждала чего угодно. Тяжелых вздохов. Дежурных фраз о том, что все мужчины одинаковы, а дети часто бывают эгоистичными. Утешительных похлопываний по плечу.

Но Варлам Скороходов не терпел банальностей. Он оперся локтями о прилавок, сцепил узловатые пальцы в замок и посмотрел на меня с холодным, жестким прищуром.

- И что ты от меня сейчас хочешь услышать, Ольгина? - его голос лязгнул сухим металлом. - Чтобы я погладил тебя по головке и сказал, какие они оба негодяи? Не дожدهшься.

Я удивленно вскинула глаза.

- Ты из кусков библиотечной пыли и битой глины шедевры делала, - чеканя каждое слово, произнес старик. - У тебя руки чувствуют материал так, как ни один лазерный сканер не распознает. А ты что с собой сотворила? Ты сидишь передо мной, как молью побитый ковер, только потому, что твой мужик решил поменять диван в гостиной.

Он ткнул сухим, кривым пальцем в сторону моей чашки.

- Ты же сама себя отменила сорок лет назад. Ты сама добровольно выписала себе должность бесплатной кухарки и помойки при гениальном инженере. А теперь сидишь и жалуешься, что он с твоей должностной инструкцией согласился и уволил тебя за ненадобностью. С сыном то же самое. Ты его как банкомат с функцией выдачи заботы воспитала. Чего

ты теперь ждешь? Что банкомат тебя обнимет и пожалеет?

Слова Варлама били наотмашь. Жестоко, без малейшей анестезии. Если бы мне сказали это вчера на грязной кухне у сына, я бы, наверное, сломалась окончательно. Но сейчас, в этом пропахшем воском полумраке, я чувствовала не обиду, а странное, обжигающее облегчение.

Варлам обращался не к брошенной, жалкой жене. Он обращался к мастеру, которого он во мне помнил. Он счищал с меня эту липкую коросту многолетней жертвенности жесткой щеткой, прямо до крови.

- Ты прав, - тихо, но твердо сказала я. - Я сама себя задвинула в угол. Но я пришла сюда не за сочувствием.

Я отодвинула пустую чашку на край деревянного стола. Расправила плечи, чувствуя, как натягивается ткань плаща.

- Мне нужен лак уруси. Свежий, тягучий, не пересохший. Две мягкие колонковые кисти нулевого размера. И золотая пудра. Самого мелкого помола, который у тебя только есть. Мои старые материалы за десять лет в кладовке превратились в камень.

Варлам долго смотрел на меня. В его прозрачных глазах что-то едва уловимо дрогнуло. Легкая, почти незаметная усмешка тронула уголки тонких губ. Он медленно кивнул, словно подтверждая какие-то свои внутренние мысли, и, кряхтя, поднялся со стула.

- Подожди здесь, - бросил он и скрылся в темноте подсобного помещения.

Я осталась одна в тишине лавки. С улицы доносился приглушенный толстыми стенами гул машин, но здесь время текло по своим законам. Я провела здоровой левой рукой по краю прилавка. Дерево было прохладным, шершавым, абсолютно живым. Оно видело сотни чужих драм, потерь и находок. Моя история была лишь одной из многих. Эта простая мысль неожиданно успокаивала. Моя личная катастрофа не была концом света. Это был просто конец определенного, затянувшегося этапа.

Варлам вернулся минут через десять. В руках он нес не только небольшие стеклянные баночки с лаком и бумажные пакетики с материалами, но и довольно объемную, тяжелую коробку из плотного серого картона.

Он со стуком поставил коробку на прилавок, прямо передо мной. Рядом аккуратно выложил флакон с густым, черным японским лаком, тончайшие кисти в прозрачных пластиковых футлярах и крошечную пробирку, в которой мягко мерцал настоящий золотой порошок.

Я потянулась к сумке за кошельком.

- Убери деньги, Ольгина, - резко осадил меня антиквар. Он положил свою морщинистую ладонь поверх картонной крышки. - Я не продам тебе эти материалы.

Я непонимающе нахмурилась.

- В смысле не продашь? Варлам, я могу заплатить. У меня есть с собой...

- Я дам их тебе бесплатно, - перебил он, и его глаза сузи-

лись. - Но при одном жестком условии. Открой коробку.

Я послушно потянула крышку вверх. Запахло старым картоном и сухой бумажной пылью. Внутри, переложенные толстыми слоями старой газетной бумаги и древесной стружки, лежали крупные, тяжелые керамические осколки.

Это была потрясающая, сложная майолика эпохи модерна. Огромная напольная ваза глубокого, насыщенного изумрудного цвета, с рельефным цветочным орнаментом. Судя по толщине черепка и характеру плотной глазури, вещь была редкой, тяжелой и невероятно дорогой. Но сейчас она представляла собой лишь горстку живописного мусора. Ваза была расколота на множество фрагментов самого разного размера. Некоторые края были неровными, выщербленными, с отколотыми кусками эмали. Это не простой прямой разлом, как на моей домашней пиале. Это была работа высочайшего уровня сложности. Настоящий вызов для рук реставратора.

- Это принесли на прошлой неделе, - буднично пояснил Варлам, внимательно наблюдая за тем, как мои пальцы инстинктивно, профессиональным жестом ощупывают острые края изумрудных осколков. - Выпала из рук у одной слишком нервной дамочки при переезде в новый дом. Вещь коллекционная. Я собирался отдать ее на серьезную реставрацию в столицу.

Он замолчал, выдерживая паузу. Воздух в лавке стал густым.

- Ты заберешь эти осколки себе, Клава. И мои материалы.

Ты склеишь эту вазу. И сделаешь это так, чтобы я посмотрел на нее и ахнул.

Я подняла на него глаза. Мое сердце начало биться ровнее, но гораздо сильнее, отзываясь тупой болью в порезанном пальце.

- Ты хочешь, чтобы я сделала Кинцуги на фактурной майолике? Варлам, я десять лет не брала в руки инструмент. А это сложный материал, здесь толстый слой глазури, нужно выводить уровень...

- Ты из этого битого мусора сделаешь золото, - жестко припечатал Варлам, безжалостно отрезая все мои сомнения.
- Ты вылечишь эту вещь. И если ты справишься... Если твои руки все еще помнят то, что давно должна была забыть твоя голова, вот тогда мы с тобой и поговорим о том, как тебе жить дальше. А пока - забирай и иди работай. Хватит жевать воспоминания.

Он сгреб баночки с лаком и пудрой, сунул их в плотный крафтовый пакет и положил поверх коробки.

Я смотрела на этого ворчливого старика и чувствовала, как внутри меня, сквозь глухое оцепенение и боль последних дней, начинает пробиваться острый, горячий росток профессионального голода. Варлам не давал мне милостыню. Он давал мне настоящую работу. Он возвращал мне меня саму.

Я не стала спорить. Молча кивнула, взяла пакет с лаком, затем аккуратно подхватила тяжелую картонную коробку, перенесла основной вес на ладони и предплечья, чтобы не

тревожить пульсирующий под бинтом палец.

- Спасибо, Варлам, - только и сказала я.

- Дверь за собой прикрой поплотнее, сквозняк тянет, - буркнул он, снова берясь за свою фланелевую тряпку и тусклый латунный подстаканник.

Я вышла из лавки на шумную улицу. Медный колокольчик ударил вдогонку долгим, чистым звуком, который затерялся в шуме проезжающих машин.

Весеннее солнце окончательно пробилось сквозь серые тучи, осветив мокрые крыши старого города. Влажный ветер забрался под воротник плаща. Коробка в руках была тяжелой. Осколки внутри тихо, глухо постукивали друг о друга при каждом моем шаге по брусчатке.

Но в отличие от невидимых, грязных долгов и кредитов, которыми Леонид хитроумно обложил мою жизнь, вес этой картонной коробки казался мне абсолютно правильным. Осязаемым. Честным.

Я шла к автобусной остановке, бережно прижимая к груди чужой разбитый фарфор. И впервые за трое суток я не думала о коньячном чемодане мужа, о пустой квартире или предательстве сына. Мой мозг, привыкший во всем искать алгоритмы и решения, уже выстраивал сложную, многоуровневую технологию реставрации. Я представляла, как буду очищать края от пыли, как буду разводить вязкий лак, как тончайшая кисть ляжет на холодную керамику.

Глава 11. Золотые швы

В реставрации самое сложное - не склеить края, а заставить себя коснуться самого острого скола голыми руками.

Я сидела за кухонным столом. Умная диодная лента под навесным шкафчиком, которая вчера с таким сухим электрическим треском перегорела и оставила меня в темноте, по-прежнему была мертва. Я не собиралась звонить Леониду с просьбами о помощи. И искать электрика на ночь глядя в интернете тоже не стала. Вместо этого я просто принесла из нашей - теперь уже только моей - спальни старую настольную лампу с плотным бежевым тканевым абажуром. Включила вилку в уцелевшую розетку у холодильника.

Желтый, теплый, глубоко аналоговый свет выхватил из полумрака гладкую столешницу из идеального искусственного камня. На этом камне еще недавно остывал мой яблочный пирог. Теперь здесь лежала расстеленная плотная крафтовая бумага. Ее шершавая фактура приятно контрастировала с мертвенной холодностью кухонного гарнитура.

Передо мной стояла картонная коробка из лавки Варлама. Я осторожно сняла крышку и вытащила первый осколок изумрудной майолики. Он был тяжелым, холодным и массивным. Это не тонкий костяной фарфор, который крошится в пыль от одного неловкого движения или дуновения сквозняка. Это была основательная, монументальная вещь, создан-

ная на века, но разбившаяся от чужой банальной небрежности. Искореженный край обожженной глины неприятно царапал кожу.

Указательный палец на правой руке, туго замотанный свежим аптечным бинтом, дергало ритмичной, тупой болью. Вчерашняя рана от лопнувшего плафона давала о себе знать с каждым ударом сердца. Мне пришлось адаптироваться: я крепко держала тяжелый осколок левой рукой, а кисть взяла правой, зажав тонкий деревянный черенок между большим и средним пальцами. Я старалась держать кисть так, чтобы не задевать пульсирующую повязку на указательном. Это было страшно неудобно. Это замедляло привычный ритм работы, кисть подрагивала, что немного злило. Но эта простая, понятная физическая боль удивительным образом заземляла меня, не давая мыслям снова сорваться в липкое болото тоски.

Я открыла стеклянную баночку со свежим японским лаком уруси. Воздух на кухне тут же наполнился резким, смолистым запахом древесного сока, влажной земли и терпкого скипидара. Этот густой, настоящий запах ремесла мгновенно вытеснил из квартиры вьевшийся аромат лениного кедрового лосьона и сухой озон от его бесчисленных приборов. Квартира, лишенная хозяйина, казалась сейчас притихшей, словно настороженно наблюдала за мной из темных углов длинного коридора.

Обмакнув кисть нулевого размера в черную массу, я под-

несла ее к излому. Лак уруси был вязким, неподатливым, почти живым. Он не прощал суеты. Миллиметр за миллиметром я начала наносить состав на пористую, светлую сердцевину керамики. Затем отложила кисть на край крафтовой бумаги, взяла второй осколок и плотно прижала фрагменты друг к другу.

Раздался тихий, глухой щелчок состыковавшейся формы. Идеальное совпадение.

Детали были крупными. Мне приходилось с силой сдавливать их ладонями, удерживая вес на весу, пока густая смола не начнет схватываться. Мышцы предплечий напряглись, под мягкой тканью домашней кофты на спине выступила легкая испарина.

Пока руки совершали эту монотонную, физически тяжелую работу, мои мысли текли на удивление ясно и холодно. Я смотрела на черную полосу лака, выступившую на стыке, и препарировала свой собственный брак.

Мой муж всегда был перфекционистом. Он терпеть не мог изъянов, кривых линий и непредсказуемости. Если бы Леонид разбил такую вазу, он бы немедленно, брезгливо собрал осколки в совок и вынес на помойку, чтобы они не портили его идеальный интерьер.

Сорок лет я использовала в своей жизни совершенно другой клей - прозрачный клей женских уступок. Я годами замазывала невидимые трещины в нашей семье, чтобы никто, даже мы сами, их не заметил. Я сглаживала глухое раздраже-

ние Леонида по вечерам. Я оправдывала бытовым эгоизм Володи, когда сын воспринимал мою безотказную помощь как бесплатное приложение к своему комфорту. Я послушно закрашивала появляющуюся седину, чтобы не смотреться старухой рядом с подтянутым мужем, и добровольно спрятала свои карьерные амбиции в темную кладовку. Все ради того, чтобы фасад казался безупречным.

Я старалась сделать швы невидимыми. Леня просто привык к этой монолитной, удобной, обслуживающей функции. А когда иллюзия треснула от времени и моей собственной человеческой усталости, мой муж поступил так же, как поступил бы с битой вазой. Зачем возиться с ремонтом? Зачем принимать возраст и проблемы жены? Он просто перешагнул через осколки, аккуратно уложил свои кашемировые пуловеры в кожаный чемодан и пошел искать себе новую, неповрежденную вещь с плейлистом "Vanessa".

Прозрачный клей покорности больше не работал. Он рассохся и осыпался пылью.

Ночь перевалила за экватор. Огромный город за окном спал глухим, тяжелым сном. Тишину на моей кухне нарушало только мое собственное ритмичное дыхание да изредка гудящий компрессор холодильника.

Спина затекла от долгого сидения на жестком стуле. Шейные позвонки отозвались неприятным сухим хрустом, когда я попыталась повернуть голову. В шестьдесят пять лет ночные бдения над рабочим столом даются совсем не так лег-

ко. Тело требовало покоя. Я отложила в сторону кисть и помассировала левой рукой ноющий затылок, разгоняя застоявшуюся кровь.

На бумаге стояла почти полностью собранная ваза. Она была покрыта густой паутиной грубых, выступающих черных шрамов. Наступил главный, завершающий этап.

Я открыла крошечную стеклянную пробирку, которую днем дал мне антиквар. Внутри перекатывалась невесомая, бархатистая пудра самого мелкого помола. Настоящее чистое золото. Я набрала немного мерцающей пылицы на сухую кисть с коротким ворсом и стала осторожно, круговыми движениями втирать ее в еще липкие, вязкие швы смолы.

Черные, уродливые трещины прямо на моих глазах начали меняться. Золото намертво въедалось в лак, вспыхивая в свете настольной лампы яркими, драгоценными венами на фоне глубокой, темной изумрудной глазури.

Легкая пудра слегка оседала на фалангах моих пальцев, пачкая заглубившую кожу теплым, почти внутренним свечением. Я провела подушечкой большого пальца по готовому длинному шву. Он был слегка выпуклым, шершавым на ощупь, но невероятно, железобетонно прочным.

В искусстве Кинцуги изъян никогда не маскируют. Его намеренно подчеркивают, выводят на первый план, возводя в ранг главного достоинства предмета. Наблюдая за тем, как преображается расколотая майолика, я вдруг физически ощутила, как меняется структура внутри меня самой.

Моя потерянная из-за чужих амбиций карьера. Отложенные на потом поездки к морю, которые я променяла на новые перфораторы для мужа. Его циничное предательство. Бессердечный прагматизм моего собственного сына, пережевывающего утренний сырник на своей тесной кухне. Все это - мои личные сколы. Мне не нужно их прятать. Не нужно стыдиться того, что меня оставили, или делать вид перед соседями, что все в порядке. Моя боль, мое одиночество и мой долгий опыт - это мое золото. Они делают меня уникальной. Настоящей.

Леонид панически боялся стареть, поэтому сбежал в стеклянную новостройку к молодой женщине, пытаясь обмануть время. А я больше не собиралась ничего обманывать.

Свет за окном начал неуловимо меняться. Густая, непроницаемая чернота ночи медленно разбавлялась пыльным, серым предрассветным сумраком. Очертания голых веток старой липы во дворе становились четче, а воздух, тянущийся из приоткрытой на микропроветривание створки окна, стал пронзительно колючим и влажным.

Я вытерла излишки золотой пудры с керамики мягкой безворсовой тканью. Работа была завершена.

Я чувствовала навалившуюся всем весом усталость. Поясница ныла так, словно я разгрузила телегу с цементом, а глаза нещадно слезились от мелкой, ювелирной работы при тусклом направленном свете.

Медленно, опираясь левой рукой о столешницу, я подня-

лась со стула. Колени слабо дрожали. Я подошла к раковине. Осторожно, следя за тем, чтобы вода ни в коем случае не попала на плотный белый бинт, вымыла левую руку и кончики пальцев правой с жидким мылом, смывая въедливую пыльцу в металлический слив. Тщательно промокнула кожу бумажным полотенцем.

Затем я вернулась к столу и выключила настольную лампу. Щелчок пластикового тумблера показался очень громким в утренней тишине.

В прохладном, отрезвляющем естественном свете на измятой крафтовой бумаге стояла огромная изумрудная ваза. Она была изрезана золотыми молниями вдоль и поперек. Я положила здоровую ладонь на ее холодный, выпуклый бок. Провела пальцами по глазури, спускаясь к тяжелому основанию.

Она была массивной. Она была несовершенной. И она была живой.

Трещины никуда не исчезли. Ничто в мире не могло сделать ее снова гладкой фабричной штамповкой без изъянов. Но теперь эти золотые швы держали форму надежнее любой брони. Я оставила вазу сохнуть на столе, точно зная, что когда я проснусь вечером, смола окончательно затвердеет, навсегда превратив разрозненные осколки в монолит.

Глава 12. Конец света

Натужный, вибрирующий гул изменил тональность пространства. Я стояла у кухонного острова, методично счищая канцелярским ножом липкие, уже затвердевшие капли смолы с деревянного черенка кисти. В этот момент дорогой немецкий холодильник вдруг завыл. Это был не ровный, сытый звук компрессора, к которому я привыкла за последние годы, а тонкий, болезненный скулеж захлебывающегося механизма.

Воздух в кухне, до этого густо пахший скипидаром и терпким лаком уруси, внезапно прорезала острая, кислая нота. Так пахнет гроза, если запереть ее в жестяной банке. Запах перегретой меди и агрессивного озона.

Диодная лента под навесными шкафами судорожно мигнула. Свет стал неестественно белым, режущим глаза, затем потускнел до грязной желтизны и снова вспыхнул. Система умного дома билась в электрической лихорадке. Напряжение в сети прыгало, заставляя сложные, дорогие приборы жалобно щелкать внутренними реле.

Хлопок раздался из коридора. Сухой, резкий звук, похожий на хлесткий удар толстой палкой по туго натянутому брезенту. Свет умер мгновенно, во всей квартире сразу.

Спустя секунду наступившую тишину разорвал тяжелый механический стон. Автоматические рулонные шторы на ок-

нах, подчиняясь заложенному аварийному протоколу, начали опускаться. Леонид сам прописывал этот сценарий: при критическом сбое питания дом должен был «зауклится», защищая внутренний контур от внешнего мира и сохраняя климат. Плотная, тяжелая ткань с шелестом поползла вниз, наглухо отрезая тусклый свет вечерних уличных фонарей. Квартира превратилась в слепой, герметичный бетонный куб.

Я не стала метаться по кухне в поисках фонарика или истошно кричать. За сорок лет брака с инженером-педантом я усвоила одно железобетонное правило: если что-то искрит, нужно немедленно обесточить щиток. Левой, здоровой рукой я выдвинула нижний ящик кухонного гарнитура. Там, в самом дальнем углу, среди запасных коробок с бумажными салфетками, всегда лежали обычные толстые хозяйственные свечи и спички. Мой личный, старомодный резерв, над которым муж всегда снисходительно посмеивался, называя его нелепым пережитком каменного века.

Серная головка сухо чиркнула о шершавый край коробка. Крошечный лепесток пламени дрогнул, выхватывая из плотного, черного мрака блестящую поверхность столешницы из искусственного камня.

Прикрывая огонек ладонью, чтобы не задуть его сквозняком, я сделала осторожный шаг в длинный коридор.

Запах стал невыносимым. Едкий, химический угар плавящейся изоляции моментально осел на языке горечью и начал

царапать горло. Я подняла свечу повыше и резко остановилась, не дойдя до входной двери пары метров.

Многоуровневый распределительный щиток - технологическое сердце нашей квартиры, предмет неисчерпаемой гордости бывшего мужа - умирал. Леня монтировал его сам, потратив на это две недели своего отпуска. Он встроил его прямо в стену над массивной металлической дверью, спрятав за гладкой декоративной панелью. Я помню, как он тогда раздраженно говорил мне: "Клава, это мозг дома. Не лезь сюда со своими влажными тряпками, когда убираешься, тут все слишком сложно для женского ума".

Сейчас этот высокотехнологичный мозг плавился. Гладкая декоративная панель почернела и пошла уродливыми, маслянистыми пузырями. Из-под расплавленного пластика с агрессивным, змеиным шипением вырывались снопы оранжевых искр. Они падали вниз, на идеальный дубовый паркет и прямо на массивную хромированную ручку замка, оставляя после себя дымящиеся черные точки.

Я инстинктивно сделала шаг назад. Мой разум, привыкший работать с сухими фактами и архивными документами, мгновенно оценил физику процесса. Тяжелая входная дверь из легированной стали. Металлическая ручка, на которую сверху непрерывным дождем сыплется пробивающий ток. Взяться за этот кусок металла сейчас, пытаюсь открыть механическую задвижку изнутри, означало сыграть в глупую русскую рулетку с электричеством.

Выйти на лестничную клетку было невозможно. Идеальный дом Леонида окончательно превратился в идеальную, смертельно опасную ловушку.

Я вернулась на кухню, стараясь ступать мягко, словно резкое движение могло спровоцировать новый взрыв. Поставила парафиновую свечу на маленькое фарфоровое блюдце. Тени от пламени нервно заплясали на гладких фасадах шкафов, превращая привычную, выверенную мебель в нагромождение темных скал. Правый указательный палец, туго стянутый утренним аптечным бинтом, занял от напряжения.

Достав из кармана домашних брюк смартфон, я нажала на боковую кнопку. Экран мигнул тусклым, больным светом. Индикатор батареи светился тревожным красным цветом - четыре процента. Из-за постоянных скачков напряжения умные розетки весь день работали с перебоями, а беспроводная зарядная станция так и не дала телефону питания. У меня было время ровно на один короткий, конкретный звонок.

Пальцы привычно, на чистом мышечном рефлексе, легли на холодное стекло экрана, чтобы открыть список контактов. Сорок лет я точно знала, кому звонить, если течет кран, глохнет мотор или искрит проводка. Буква "Л". Леонид.

Я смотрела на знакомые буквы его имени, и внутри меня разворачивалась холодная, безжалостная картина. Мой муж сейчас наверняка находился в элитном поселке. Усталый, с серой от недосыпа кожей, он монтировал чужую террасу на пронизывающем сквозняке для женщины, которая

пахнет тяжелыми духами и отдает ему приказы. Если я позвоню, он, конечно, примчится. Примчится не из любви ко мне, а из ревности к своему сломанному творению. И это даст ему право снова войти в мою квартиру хозяином. Посмотреть на меня снисходительно, тяжело вздохнуть и сказать свою любимую фразу: "Клава, ну вот что бы ты без меня делала? Я же говорил, не трогай то, в чем не разбираешься".

Я сглотнула сухой, пропахший гарью воздух. Мой большой палец скользнул ниже по списку.

Володя. Сын.

Память тут же услужливо подкинула свежую, отвратительную картинку: челюсти моего взрослого мальчика, мерно пережевывающие мой творожный сырник на тесной кухне. Его отводящие взгляд глаза и раздраженный, трусливый голос: "Мам, будь мудрее, мне с отцом ссориться нельзя, он нам проводку делает бесплатно".

Во рту снова появился тот самый тошнотворный вкус сухого пепла. Если я позвоню Володе, он начнет охать, запаникует, обвинит меня в неосторожности и в итоге сам перезвонит отцу, потому что так проще и удобнее для него самого. Он снова продаст мою слабость за отцовское одобрение и денежный перевод.

Нет.

Я пролистала список до конца. Нажала на кнопку вызова.

Гудки в динамике казались неестественно громкими, они отдавались пульсацией в висках.

- Ольгина? - скрипучий, старческий голос Варлама прозвучал после пятого гудка. На заднем фоне играла какая-то старая джазовая пластинка. - Чего не спишь? Смолой надышалась над своими битыми черепками?

- Варлам, у меня горит коридор, - произнесла я абсолютно ровным, безэмоциональным голосом.

Удивительно, но внутри меня не было ни капли бабьей паники. Ни желания рыдать в трубку, ни потребности умолять о срочном спасении. Только ледяная, хирургическая сосредоточенность человека, который решает задачу.

- Точнее, распределительный электрощиток над входной дверью, - уточнила я, глядя в темноту коридора. - Автоматы, видимо, выбило, но там продолжает плавиться пластик.

В трубке повисла тишина. Музыка на фоне сухо щелкнула и стихла - видимо, старик снял иглу с винила.

- Пожарных вызывала? - голос антиквара разом потерял всю свою привычную колкую иронию, став жестким и по-мужски собранным.

- Нет открытого огня. Просто тление и искры. Но щиток висит прямо над металлической дверью. Искры падают на ручку замка. Я не могу выйти, дверь под напряжением. ЖЭК не отвечает, у них в аварийке вечно линия занята.

Варлам тяжело, с хриплым присвистом выдохнул в динамик.

- А где твой гениальный электрик? Муж который. Или сынуля твой где? Звони им, Ольгина, пусть летят спасать свое

золотое имущество.

Я смотрела на подрагивающее пламя хозяйственной свечи. Воск медленно плавился, стекая прозрачной, горячей каплей на белый фарфор блюдца.

- Их здесь больше нет, Варлам. И никогда не будет. У меня больше нет своих мужиков.

Короткая пауза на том конце провода была красноречивее любых сочувственных речей. Старик все понял. В его возрасте люди уже не задают глупых вопросов и не читают нотаций, они просто констатируют факты.

- Понял тебя, Клава, - впервые он назвал меня по имени, а не по девичьей фамилии. - У меня тут в соседнем с тобой квартале живет один человек. Архитектор, но руки у него откуда надо растут. Он мне должен большую услугу за сложную реставрацию старого портсигара. Я ему сейчас наберу, он придет быстрее любой вашей аварийки. Ключ от общего тамбура на этаже у кого? У Петровой из двести пятнадцатой квартиры?

- Да, она старшая по этажу.

- Жди. В дверь не лезь руками, убьет. И это... дыши через мокрое полотенце, если совсем чадить начнет.

Телефон в моей руке издал короткий, жалобный писк. Экран моргнул красным светом и погас окончательно. Черный, мертвый прямоугольник холодного стекла. Связь с внешним миром была отрезана.

Я положила бесполезный аппарат на столешницу. На кух-

не было тихо. Слишком тихо. Часы на дорогой духовой печи не светились, электронные таймеры умерли. Только из коридора доносилось слабое, потрескивающее шипение остывающего пластика.

Запах гари становился гуще, он уже начал щипать глаза. Я взяла чистое кухонное вафельное полотенце, намочила его остатками питьевой воды из стеклянного графина и положила на колени, чтобы приложить к лицу, если едкий дым пойдет на кухню.

В тусклом, колеблющемся свете парафиновой свечи на измятой крафтовой бумаге стояла огромная изумрудная ваза. Та самая коллекционная майолика эпохи модерна, которую Варлам дал мне утром в виде жесткого вызова.

Я придвинула ее ближе к себе. Осторожно провела подушечками здоровых пальцев левой руки по холодной, глянцево-й поверхности керамики. Пальцы наткнулись на шершавый, выпуклый рубец. Японский лак уруси, который я всю ночь кропотливо смешивала с мельчайшей золотой пудрой, уже схватился, превратившись в монолитный камень. Золотые швы, пересекающие вазу вдоль и поперек сложной геометрической паутиной, тускло, но благородно мерцали в желтом свете пламени.

Я смотрела на эту вазу, обхватив ее тяжелые, массивные бока ладонями, и вдруг отчетливо, до звона в ушах поняла одну невероятно простую вещь.

Каких-то пару дней назад, в этой же самой кухне, я сидела

на полу, скорчившись у нижних ящиков, и вышла от отчаяния из-за перегоревшей умной лампочки. Я захлебывалась слезами, размазывая кровь по руке, чувствуя себя выброшенной на обочину, старой и абсолютно беспомощной деталью чужого интерьера. Уход Леонида выбил из-под меня опору, заставив поверить в собственную тотальную никчемность.

А сейчас я сидела запертая в обесточенной квартире на двадцать пятом этаже, задыхаясь от запаха жженой резины. Мой идеальный высокотехнологичный мир искрил, вонял и разваливался на куски. Жизнь, которую Леня выстраивал сорок лет, отторгала меня самым физическим образом.

Но я больше не плакала.

Внутри меня стояла звенящая, холодная тишина. Я чувствовала себя точно так же, как эта старинная майолика. Разбитой вдребезги из-за чужой банальной небрежности, но собранной заново моими собственными руками. Леонид оставил мне пустую коробку с хитроумными долгами и умными датчиками, которые оказались не способны пережить скачок напряжения в городской сети. Его сложные, хваленые системы сгорели при первой же серьезной нагрузке.

А мои золотые швы держали форму.

Моя боль от измены, мое унижение от предательства единственного ребенка, мои растоптанные годы покорности - все это было моим личным золотом. Оно въелось в трещины, застыло и сделало меня монолитной. Я больше не боялась ни темноты, ни замкнутого пространства, ни одиноче-

ства. Я впервые за шестьдесят пять лет была абсолютно уверена в том, что справлюсь сама. Даже если мне придется сидеть при свечах до самого утра, закрывая лицо мокрой тканью. Я не пропаду.

Я прижалась щекой к прохладному, неровному боку изумрудной керамики, закрыв воспаленные глаза.

Сквозь глухую тишину обесточенного дома, сквозь толстые бетонные перекрытия вдруг пробился низкий, утробный гул. Лифт. Он двигался по старой шахте, тяжело постукивая натянутыми тросами.

Гул плавно стих. Двери лифта с характерным металлическим лязгом разъехались в стороны на моем этаже.

По кафельной плитке лестничной клетки раздались шаги. Твердые, размеренные мужские шаги. Человек шел без суетливой спешки, но и без колебаний, точно зная, куда именно направляется в этой темноте.

Шаги остановились у двери нашего общего тамбура. В замочной скважине сухо, с легким скрежетом провернулся чужой ключ - видимо, Варлам действительно успел дозвониться до соседки.

Кто-то вошел в общий коридор. Тяжелые шаги прозвучали совсем близко и замерли прямо перед моей искрящей, пахнущей гарью и горелым пластиком металлической дверью.

Глава 13. Искра

Металл скрежетал по металлу мучительно долго. Звук неподатливого механизма эхом отскакивал от бетонных стен коридора, ввинчиваясь прямо в барабанные перепонки. соседский аварийный ключ, который антиквар Варлам успел раздобыть у старшей по этажу, явно не желал входить в запасную скважину. Этим резервным, старомодным замком мы не пользовались с того самого дня, как Леонид установил на нашу дверь свою хваленую электронную систему с биометрическим сканером и плавными доводчиками. Умная система, которая должна была защищать наш покой и демонстрировать статус мужа, при первом же серьезном сбое сети превратилась в глухую, обесточенную ловушку.

- Давай же, - глухо донеслось с лестничной клетки.

Мужской голос прозвучал без раздражения, скорее с холодным, методичным упрямством человека, привыкшего доводить дело до конца. Еще один резкий поворот, сухой хруст ссохшейся внутри личинки заводской смазки, и тяжелая стальная створка наконец поддалась. Она с протяжным, низким стоном отошла внутрь.

Никакого картинного рева ветра, естественно, не случилось - лоджия в моей квартире была надежно застеклена, а тяжелые рулонные шторы намертво опущены аварийной автоматикой. Но в душную, пропитанную ядовитым озоном и

едким горелым пластиком прихожую тут же хлынул плотный, отрезвляющий сквозняк подъезда. Он пах сырой хлоркой от утреннего мытья полов, холодной цементной пылью и простым человеческим спасением. Воздух, которым можно было дышать, не обжигая легкие.

Тьму прихожей разрезал плотный, ослепительно белый луч мощного диодного фонаря. Я рефлекторно прищурилась, прикрывая воспаленные глаза здоровой левой рукой.

- Клавдия Ивановна? - луч тут же вежливо скользнул вниз, выхватывая из темноты кромку моего идеального дубового паркета, на котором теперь чернели уродливые, маслянистые капли расплавленной пластмассы.

На пороге стоял высокий, чуть сутулый мужчина. Я сразу поняла, что это тот самый архитектор-реставратор, о котором по телефону говорил Варлам. В его появлении не было ни капли суетливого пафоса или позы героя, явившегося спасти слабую, беспомощную женщину. На нем была распахнутая темно-синяя демисезонная куртка, под которой виднелся потертый, но добротный вельветовый пиджак цвета мокрого асфальта. Вместе с ним в мой обесточенный, мертвый дом шагнул совершенно живой, густой запах. Запах влажной шерсти, прохладного вечернего города и качественного, чуть сладковатого трубочного табака. Эта терпкая, почти уютная базовая нота мгновенно вытеснила тошнотворную химическую вонь лениных проводов.

- Да, это я, - мой голос прозвучал сухо и на удивление ров-

но. Никаких слез, никаких дрожащих интонаций или жалоб. Я давно выплакала весь свой запас жалости к себе, сидя на полу в этой самой кухне пару дней назад.

- Андрей. Варлам просил зайти и посмотреть, что тут у вас искрит, - он перешагнул порог и аккуратно, без лишнего стука прикрыл за собой тяжелую дверь, чтобы не выстуживать квартиру окончательно и не пускать дым на лестничную клетку.

Он не стал метаться по коридору или задавать нелепые вопросы о моем самочувствии. Поставил на пол тяжелый кожаный саквояж, заметно потершийся на углах от частого использования. Затем поднял фонарь, направляя ровный круг света на стену над входной дверью. Туда, где чернели и еще слабо дымились остатки сложного многоуровневого распределительного щитка.

Я продолжала стоять у кухонного острова, опираясь о гладкую поверхность столешницы из искусственного камня. В моей правой руке, туго стянутой свежим марлевым бинтом, ритмично пульсировала тупая, горячая боль. Левую руку я инстинктивно, защитным жестом положила на прохладный, тяжелый край изумрудной вазы. На столе слабо подрагивало пламя хозяйственной свечи, установленной в белое фарфоровое блюдо. Тени от огня плясали на гладких фасадах шкафов, превращая мою стерильную кухню в декорации старого театра.

Андрей молча изучал масштабы катастрофы. Я смотрела

на его профиль в отраженном свете фонаря. Жесткая линия челюсти, строгие очки в роговой оправе, спокойный, оценивающий взгляд человека, который привык работать с неподатливым материальным миром, а не с абстрактными теориями.

Мой бывший муж в такой ситуации уже прочитал бы мне часовую нотацию. Леня обязательно закатил бы глаза, тяжело вздохнул и обвинил меня в том, что я наверняка включила слишком много приборов одновременно, нарушив его гениальный баланс фаз. Он всегда искал виноватых, если его безупречная система давала сбой, и виноватой по умолчанию всегда оказывалась я.

Андрей же просто делал свою работу.

- Жить будете, - наконец резюмировал он, выключая агрессивный основной режим фонаря и переводя его на мягкий, рассеянный свет. Он закрепил прибор на верхней полке стеклянной обувницы. - Классическая физика, Клавдия Ивановна. И излишняя самоуверенность того, кто это проектировал. Вся эта дорогая электронная надстройка не выдержала банального скачка напряжения в городской сети. Эти новомодные реле слишком чувствительны к суровой реальности, они начали плавиться от нагрузки.

- Я могла сгореть? - прямо спросила я, глядя на почерневший фасад.

- Нет, - Андрей покачал головой, расстегивая тугие кожаные ремни своего саквояжа. Внутри мягко, глухо звякнул

инструмент. - Умные датчики сгорели к чертям, но глубоко внутри, за декоративной панелью, стоит старый добрый механический автомат. Вводной рубильник. Он отсек питание до того, как огонь пошел по внутренним кабелям в стены. Топорно, но надежно. Ваш дом сейчас мертв, но абсолютно безопасен.

Его спокойный, деловой тон действовал на мою расшатанную нервную систему лучше любых успокоительных капель. Он не обращался со мной как с полоумной старушкой, которая боится темноты и нуждается в поглаживаниях по плечу. Он констатировал сухие технические факты, оставляя мне мое взрослое достоинство.

Я чуть расслабила напряженные плечи. Глубоко выдохнула.

Андрей, уже доставший из сумки шлицевую отвертку с массивной прорезиненной ручкой, обернулся на звук моего выдоха.

- Отойдите немного в сторону, я сейчас сниму оплавленную крышку, может посыпаться горячая сажа, - сказал он, делая шаг в направлении кухни.

Он протянул руку, чтобы поправить висящий на полке фонарь и направить луч прямо на себя, но свет скользнул по стене, мазнул по хромированной дверце холодильника и ударил прямо в центр моего кухонного стола.

Архитектор замер.

Отвертка в его руке так и осталась висеть в воздухе, не

донесенная до щитка. Вся его дежурная, собранная соседская отстраненность испарилась в одну секунду, словно ее смыло ледяной водой. Луч фонаря, усиленный мягким, теплым мерцанием парафиновой свечи, упал точно на гигантскую изумрудную майолику эпохи модерна. Напольная ваза, которая еще сегодня утром лежала в картонной коробке Варлама грудой безнадежного, мертвого мусора, теперь стояла во всем своем тяжелом, монументальном великолепии. А по ее темно-зеленым, рельефным бокам, вдоль и поперек сложного растительного орнамента, бежали выпуклые, сияющие молнии.

Золотые швы. Настоящее, чистое золото мельчайшего помола, намертво въевшееся в черную, уже затвердевшую японскую смолу.

Андрей медленно опустил инструмент на край стеклянной тумбочки. Его шаги по паркету стали почти неслышными. Он подошел к кухонному острову так осторожно, словно боялся, что от лишнего колебания воздуха это потрясающее видение рассыплется в пыль.

Я не шевелилась. Моя спина выпрямилась сама собой. Я наблюдала за тем, как мужчина, чья профессия заключается в спасении исторического наследия, сталкивается с моим личным, выстраданным в бессонную ночь шедевром. Андрей остановился в полуметре от стола. Он не стал фамильярно хватать вазу руками или крутить ее за горлышко. Настоящие мастера, знающие цену чужому хрупкому труду, так

никогда не делают. Он просто склонился над ней, жадно, профессионально впитывая детали.

- Толщина черепка больше сантиметра, - пробормотал он себе под нос, словно окончательно забыв о моем присутствии. - Глазурь невероятно фактурная. Свести такие выщербленные края без зазоров на неровной поверхности... Это адский, ювелирный труд.

Он перевел взгляд на стыки. В перекрестном свете диода и свечи золото казалось абсолютно живым, оно словно пульсировало внутри керамики, превращая бывшие уродливые трещины в драгоценные артерии, несущие новую жизнь.

- Уруси, - тихо, с глубоким выдохом произнес Андрей, и в его голосе прозвучало несомненное, стопроцентное уважение. - Настоящий японский древесный лак. Не дешевая синтетическая эпоксидка, которую сейчас льют в поточных мастерских. Вы не стали прятать изъян. Вы его подчеркнули и возвели в абсолют.

Он наконец оторвал взгляд от майолики и посмотрел на меня. В полумраке пропахшей гарью кухни наши глаза встретились.

Я прекрасно знала, что выгляжу сейчас совершенно нелепо и непрезентабельно. На мне был измятый домашний хлопковый костюм, пропитанный запахами холодного пота, едкого скипидара и липкого ночного страха. Мои волосы, которые я когда-то старательно, строго по расписанию закрашивала в каштан ради Лени, чтобы не казаться слишком ста-

рой, сейчас были просто стянуты в небрежный пучок на затылке. Я была немолодой, бесконечно уставшей женщиной в разрушенной, пропахшей дымом квартире.

Но Андрей опустил глаза на мои руки. На вьевшуюся в кутикулу левой руки золотую пыльцу, которую не смогла вымыть ни одна жесткая щетка. На черные, смолистые пятна, намертво прилипшие к подушечкам пальцев. На плотный, белый бинт на правой руке. Варлам наверняка сказал ему по телефону какую-нибудь едкую глупость в своем фирменном репертуаре. Что-то вроде: "Иди спаси пенсионерку, которая надышалась клеем над своими битыми горшками".

Только вот Андрей больше не видел во мне брошенную жену-домохозяйку, не способную поменять перегоревшую лампочку. Я физически ощутила, как изменился вес его взгляда. Это был взгляд эксперта, который случайно нашел подлинник великого художника на пыльном, забытом всеми чердаке.

- Это ваша работа, - он произнес это не вопросительно, а утвердительно.

- Моя, - сухо ответила я. Я потерла чистой стороной ладони ноющее от напряжения запястье. - Варлам отдал мне эти осколки утром. Сказал, что вещь редкая, коллекционная, но ее уронили при переезде в новый дом. Хотел отдать в столицу на реставрацию, но решил проверить меня.

- Уронили, - невесело усмехнулся Андрей, и в его усмешке не было ни грамма иронии надо мной. - Такую тяжелую вещь

после падения на бетон обычно списывают в тотал. Выбирают на свалку и забывают, потому что ремонт обойдется дороже покупки новой. А вы вернули ей форму за одну ночь. Практически в темноте.

Он выпрямился. Его широкие плечи в вельветовом пиджаке перекрыли часть холодного сквозняка из коридора. Запах трубочного табака окончательно смешался с ароматом расплавленного парафина, создавая в кухне странную, густую атмосферу старинного кабинета алхимика.

- Клавдия Ивановна, - Андрей сделал небольшую паузу, тщательно подбирая слова. В нем больше не было той торопливой готовности быстро починить чужой щиток и уйти домой к своим делам. - Я руковожу реставрацией усадьбы Строгановых в старом центре. Вы, наверное, слышали об этом проекте из городских новостей.

Я молча кивнула, еще не понимая, к чему именно он ведет.

- У нас в главном парадном зале лежат остатки трех изразцовых печей девятнадцатого века. Там уникальная, сложнейшая глазурь ручной работы. Во время революции их просто разбили кувалдами на сотни бесформенных фрагментов. Больше века эти куски лежали вперемешку с мусором под половицами и в сырых подвалах. Мы собирали их по крупичкам из грязи долгие месяцы.

Он сунул руки в глубокие карманы куртки, глядя мне прямо в глаза сквозь чуть бликующие стекла своих очков.

- Столичные лаборатории отказались брать этот материал в работу. Комиссия сказала, что глиняная фактура слишком пористая, эмаль осыпается от времени, восстановить геометрию изразцов невозможно, они просто рассыплются в руках. Нам предложили сделать современные реплики-пустышки, напечатанные на 3D-станке, а бесценный оригинал навсегда списать в архивные фонды.

Я слушала его, и странное, давно забытое чувство начало подниматься где-то глубоко внутри, в районе солнечного сплетения. Это было похоже на то, как сухая, потрескавшаяся после долгой засухи земля вдруг начинает жадно, глотками впитывать первые капли теплого весеннего дождя.

Сорок лет мой муж внушал мне, что мои увлечения - это просто пыльный балласт, из-за которого в нашей идеальной квартире воняет химией и долго сохнут его рубашки. Сорок лет я была удобной, бесшумной функцией, обслуживающей чужой комфорт и подстраивающейся под чужое расписание. Вчера мой единственный сын Володя предложил мне стать невидимой, чтобы не мешать его финансовому благополучию и не злить отца. Они оба ждали, что я тихо рассыплюсь в пыль на этом идеальном паркете, смирившись со статусом брошенной старухи.

А сейчас этот чужой, уставший мужчина смотрел на меня так, как на меня не смотрели никогда в жизни. Он смотрел на мои грязные, рабочие руки с абсолютным благоговением.

- Ваши руки знают, как исцелять мертвый материал, -

голос Андрея прозвучал низко, перекрывая глухой, монотонный гул редких машин за темным окном. Он не льстил мне как женщине, пытаясь понравиться. Он констатировал неоспоримый факт, опираясь на то, что видел своими собственными глазами. - Вы не боитесь острых краев. Вы не пытаетесь трусливо обмануть время, замазывая трещины прозрачным клеем, чтобы сделать вид, будто ничего не ломалось. Вы даете вещам право на их шрамы. И вы делаете их от этого только сильнее.

Он вытащил правую руку из кармана. Его длинные, сухие пальцы легли на гладкую столешницу, всего в паре сантиметров от моей перепачканной золотом ладони. От его кожи исходило ровное, спокойное тепло живого человека.

- Мне нужен мастер, Клавдия, - в его голосе не было ни капли давления, только открытое, честное предложение равного. - Вы пойдете работать в мою команду?

Тишина на обесточенной кухне стала абсолютно осязаемой, плотной. Я слышала свое собственное неровное дыхание. Слышала, как тихо, уютно потрескивает хлопковый фитиль свечи, пожирая парафин. Я чувствовала тяжесть бинта на порезанном пальце. Мой бывший муж оставил мне квартиру, которая всего час назад пыталась меня убить своим выгоревшим пластиком.

А этот мужчина только что предложил мне золото. Не то золото, которое мерцает в баночке японского лака на моем столе. А то, которое возвращает преданному человеку его

собственное, забытое имя.

Я посмотрела на Андрея. На его усталое, но удивительно живое лицо. И где-то внутри меня, под толстыми слоями многолетней, удобной покорности, вспыхнул ровный, чистый огонь. Тот самый свет, который больше не зависел ни от умных систем, ни от чужих рубильников.

Глава 14. Золото в шрамах

Я медленно опустила глаза на свои руки. Правая кисть была туго стянута белым аптечным бинтом,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.